

Санкт-Петербургский государственный университет

СМИРНЯГИНА Полина

Выпускная квалификационная работа

«Мягкая» сила Республики Корея в эпоху пандемии Covid-19

Уровень образования: бакалавриат

Направление 58.03.01 «Востоковедение и африканистика»

Основная образовательная программа СВ.5131.2019

«История Кореи (корейский, китайский языки)»

Научный руководитель:

профессор, кафедра корееведения,

доктор ист. наук, доцент,

Курбанов С.О.

Рецензент: старший преподаватель,

кафедра американских исследований/

СПбГУ,

кандидат полит. наук, доцент,

Ланцова И.С.

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ» СИЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ COVID-19	8
1.1. «Мягкая» сила: понятие и подходы	8
1.2. Особенности, факторы и направления развития «мягкой» силы Республики Корея	16
1.3. Публичная дипломатия Республики Корея в период пандемии Covid-19	20
1.4. Эффективность «мягкой» силы Республики Корея в реагировании на пандемию Covid-19	26
1.5. Реакция международного сообщества на деятельность Республики Корея в эпоху пандемии Covid-19	28
ГЛАВА 2. ЗНАЧЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ» СИЛЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ	35
2.1. Влияние пандемии Covid-19 на общество и «мягкую» силу Республики Корея	35
2.2. Роль «Корейской волны» в стратегии «мягкой» силы Республики Корея в эпоху пандемии Covid-19	38
2.3. Дипломатия здравоохранения Республики Корея, как инструмент «мягкой» силы в эпоху пандемии Covid-19	42
2.4. Проблематика «мягкой» силы Республики Корея в период пандемии Covid-19	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	58

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В XXI в. приоритет постепенно отдается культурной и экономической привлекательности стран.

С распадом биполярной системы «жесткая» сила не теряет ключевого значения в мире для защиты суверенитета государств, однако «мягкая» сила олицетворяет в себе элемент «привлекательности» и приобретает все большее значение для решения внешнеполитических задач. К тому же рост роли «мягкой» силы связан с повышением значения культурных ценностей, которые создают привлекательный имидж для государства.

Одной из азиатских стран, которая активно наращивает потенциал «мягкой» силы и публичной дипломатии, является Республика Корея, которая показывает особенно успешный пример внедрения «мягкой» силы в свою внешнеполитическую стратегию. В силу географического положения Республики Корея и ее соседства с такими могущественными акторами, как Китайская Народная Республика (КНР) и Российская Федерация (РФ), страна не делает приоритетом своей внешней политики «жесткую» силу. Поэтому мягкие внешнеполитические инструменты имеют большие перспективы и помогают в укреплении позиций Республики Корея на международной арене.

Республика Корея ведет активную политику развития положительного имиджа страны в мировом сообществе с помощью применения новых стратегий и создания специальных органов и комитетов, ответственных за национальный брендинг. К весне 2023 года Республика Корея обладает такими ресурсами «мягкой» силы, как успешный опыт экономической модернизации страны, эффективная борьба с пандемией Covid-19, максимальная культурная привлекательность страны. В связи с этим Республика Корея является хорошим примером удачного применения «мягкой» силы для продвижения собственных интересов и популяризации

национального бренда на международном пространстве. Этот опыт может быть полезен для развития мягкосилового потенциала в других странах.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2020-2022 гг. Нижняя граница — начало пандемии Covid-19, обусловившей подъем «мягкой» силы и публичной дипломатии во внешней политике Республики Корея с учетом появления таких новых векторов, как дипломатия в области здравоохранения. Верхняя граница обусловлена продолжающимся ростом в 2020-2022 гг. «мягкосилового» и дипломатического потенциала Республики Корея как одного из ключевых внешнеполитических инструментов в условиях пандемии.

Объект исследования – внешнеполитическая стратегия «мягкой» силы Республики Корея.

Предмет исследования – применение «мягкой» силы как компонента внешней политики Республики Корея в XXI в.

Цель исследования – рассмотреть особенности применения инструментов «мягкой» силы и публичной дипломатии в Республике Корея, выявить ее эффективность в продвижении внешнеполитического имиджа страны в эпоху пандемии Covid-19.

Поставленная цель дает возможность сформулировать следующие *задачи исследования*:

- выявить основные теоретико-методологические подходы к пониманию «мягкой» силы;
- рассмотреть особенности, факторы и направления развития «мягкой» силы Республики Корея;
- исследовать эффективность и международный статус публичной дипломатии Республики Корея в период пандемии Covid-19;
- проанализировать влияние пандемии Covid-19 на «мягкую» силу Республики Корея;
- выявить роль «корейской волны» в стратегии «мягкой» силы Республики Корея в эпоху пандемии Covid-19;

- обозначить ключевые области, проблемные моменты и перспективы развития «мягкой» силы Республики Корея.

Для реализации цели исследования был проанализирован широкий спектр *источников и литературы*. Источниковой базой работы послужили программы Министерства иностранных дел Республики Корея по развитию потенциала «мягкой» силы и публичной дипломатии страны¹, а также правительственные обзоры эффективности государственной поддержки и развития «корейской волны» в период 2020-2021 гг.². Немаловажным источником стал Закон Республики Корея о публичной дипломатии, представляющий нормативный базис реализации стратегии публичной дипломатии на международном уровне в целях повышения глобального имиджа и международной узнаваемости государства³. Также были использованы ежегодные публикации международного консалтингового агентства «Бренд Файнанс» по вопросам измерения индекса «мягкой силы» и бренда страны⁴.

¹ 제1차대한민국 공공외교 기본계획 [2017-2021] (Первый базовый план публичной дипломатии Кореи на период 2017-2021 гг.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=2017_2021.pdf&real=2017_2021.pdf (дата обращения: 30.03.2023); 제2차 공공외교 기본계획 (2023-2027) (Второй базовый план публичной дипломатии Кореи на период 2023-2027 гг.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=2%EC%B0%A8%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EA%B3%84%ED%9A%8D_%EC%B5%9C%EC%A2%85.pdf&real=2%EC%B0%A8%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EA%B3%84%ED%9A%8D_%EC%B5%9C%EC%A2%85.pdf (дата обращения: 30.03.2023)

² 2020 글로벌 한류 트렌드 (Глобальная тенденция Халлю 2020) // Правительство Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://mcst.go.kr/kor/s_policy/dept/deptView.jsp?pSeq=1428&pDataCD=0417000000&pType=08 (дата обращения: 21.04.2023); 2021 지구촌 한류현황 (Текущее состояние распространения Халлю в мире в 2021 г.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4099/view.do?seq=367660&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm= (дата обращения: 30.03.2023)

³ 공공외교법 시행 2016. 8. 4. (Закон Республики Корея «О публичной дипломатии» от 4 августа 2016 г.) // Национальный правовой информационный центр РК. [Электронный ресурс] URL: [https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EB%B2%95/\(13951,20160203\)](https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EB%B2%95/(13951,20160203)) (дата обращения: 30.03.2023)

⁴ Global Soft Power Index 2022. // Brandirectory: Brand Values, Profiles & Global Rankings. 15 March 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://brandirectory.com/softpower/report> (дата обращения: 01.04.2023); Global Soft Power Index 2023. // Brandirectory: Brand Values, Profiles & Global Rankings. 2 March 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://softpower.brandfinance.com/2023/globalsoftpowerindex> (дата обращения: 01.04.2023)

Концепция «мягкой» силы впервые на международном уровне была введена в научный оборот Дж. Наем⁵, что открыло новую главу в теоретических исследованиях силового феномена в теории международных отношений. Весомая часть исследований по проблематике изучения «мягкой силы» и публичной дипломатии в основном посвящена именно общим вопросам в их теоретическом и практическом измерении, в числе которых труды таких исследователей, как: А. Грамши⁶, Ю.П. Давыдов⁷, Я.В. Лексютина и И.В. Радиков⁸, А.В. Михалев⁹, Дж. Галларотти¹⁰, Дж. Трункос¹¹ и др.

Ко второму блоку относится литература, касающаяся становления и эволюции «мягкой» силы Республики Корея. Недостатком исследования этой темы является фрагментарное рассмотрение «мягкой» силы как комплексного понятия, кроме того, в разработку этой темы не входит ретроспектива развития «мягкой» силы в стране. Представления о «мягкой» силе Республики Корея и ее эволюции дают труды таких российских, западных и корейских авторов, как: Д.И. Бураев и М.Ц. Гармаханов¹², Н.В.

⁵ Nye J. Soft Power and Public Diplomacy Revisited // The Hague Journal of Diplomacy. – 2019. – Vol. 14. – Iss. 2. – P. 7-20; Nye J. Soft Power. // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153-171; Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power. // Foreign Affairs. – 2009. – № 8-9. – P. 160-163.

⁶ Мушинский В.О. Антонио Грамши: учение о гегемонии. – М.: Международные отношения 1990. – 139 с.

⁷ Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – № 1. – С. 69-80.

⁸ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы. // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19-26.

⁹ Михалев А.В. Концепция «Мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. – С. 63-65.

¹⁰ Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power – 2011. – Vol. 4. – Iss. 1. – P. 25-47.

¹¹ Trunkos J. What is Soft Power capability and how does it impact foreign policy? // Institute for Cultural Diplomacy. January 6, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2013-acdusa/What-Is-Soft-Power-Capability-And-How-Does-It-Impact-Foreign-Policy--Judith-Trunkos.pdf> (дата обращения: 21.04.2023)

¹² Бураев Д.И., Гармаханов М.Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – № 8. – С. 115-120.

Сенякина¹³, С. Агтас¹⁴, К. Айхан¹⁵, К. Ботто¹⁶, Дж Боуи¹⁷, Дж. Чан и Б. Ким¹⁸, Т. Фахриса¹⁹, Т. Ким и Дж. Кэмпбелл²⁰, М. Ким²¹, Хан Джун и Дж. Най²², Г. Чан²³ и др.

Методологическая база исследования. С помощью структурно-функционального подхода стало возможным определить соотношение и взаимосвязь специфических дипломатических методов (например, взаимосвязь «мягкой» силы и публичной дипломатии). Системный подход дал возможность исследования роли и значения инструментов «мягкой» силы и публичной дипломатии в современной внешней политике Республики Корея. В рамках институционального метода удалось провести изучение инструментов и формальных институтов «мягкой» силы и публичной дипломатии Республики Корея, созданных в XXI вв. При помощи неинституционального подхода была определена роль современных

¹³ Сенякина Н.В. Публичная дипломатия РК и РФ в постковидный период. // Корееведение в России: направление и развитие. – 2022. – № 2. – С. 88-92.

¹⁴ Attias S. Asian soft power grows in the coronavirus era // BESA. April 6, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/coronavirus-asia-soft-power/> (дата обращения: 01.04.2023)

¹⁵ Ayhan K. South Korea's Public Diplomacy during the COVID-19 pandemic: Seeking Status as an Authority in Global Governance. // Korea Economic Institute of America. Academic Paper. January 27, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2022/01/KEI_APS_2022_Ayhan.pdf (дата обращения: 23.03.2023)

¹⁶ Botto K. The Coronavirus Pandemic and South Korea's Global Leadership Potential. // Carnegie Endowment for International Peace. December 15, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegieendowment.org/2020/12/15/coronavirus-pandemic-and-south-korea-s-global-leadership-potential-pub-83408> (дата обращения: 03.04.2023)

¹⁷ Bouey J., Hu L., Amiri S. Public Health and Soft Power: the Republic of Korea's initial COVID-19 response and its implications for Health Diplomacy. // RAND Corporation. December 15, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1415-1.html (дата обращения: 22.03.2023)

¹⁸ Chung J.-B., Kim B. Mask-wearing behavior during the COVID-19 pandemic in Korea: The role of individualism in a collectivistic country. // International Journal of Disaster Risk Reduction. – 2022. № 82. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9551116/> (дата обращения: 21.03.2023)

¹⁹ Fahrissa T. Exports Driven by Hallyu Increasing South Korea's Economic Growth – Cultural Diplomacy Approach. // Jurnal Hubungan Internasional. – 2022. – Vol. 15. – № 1. – P. 20-36.

²⁰ Kim T., Campbell J. Coordination, Incentives, and Persuasion: South Korea's Comprehensive Approach to COVID-19 Containment. // Korean Journal of Policy Studies. – 2020. – Vol. 35. – № 2. – P. 119-139.

²¹ Kim M. The Growth of South Korean Soft Power and Its Geopolitical Implications. // Journal of Indo-Pacific Affairs. October 31, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/3212634/the-growth-of-south-korean-soft-power-and-its-geopolitical-implications/> (дата обращения: 28.03.2023)

²² 조셉나이 한준. 데믹 시대의 소프트파워와 공공외교 (Най Дж., Хан Чжун. Мягкая сила и публичная дипломатия в эпоху пандемии) // K-Wave in Central Asia and Public Diplomacy, 2020. [Электронный ресурс] URL: http://pdweek.or.kr/2020/bbs/board.php?bo_table=programs_ko&wr_id=1 (дата обращения: 05.04.2023)

²³ 장규수. 한류의 아원과 사용에 관한 연구. 한국콘텐츠학회논문지 '11 Vol. 11 No. 9 (Чан Гюсу. Изучение корейской волны. Происхождение и использование. Journal of Korea Contents Association. 2011. № 9). – С. 166-173.

проводников «мягкой» силы и публичной дипломатии Республики Корея, участвующих в процессе выработки реализации ее внешнеполитической стратегии. Для интерпретации полученных данных и выявления закономерностей был привлечен метод ивент-анализа (методика анализа событий). Он помог выявить ключевые тенденции развития, наряду с перспективами и формулировкой возможных прогнозов и рекомендаций по теме работы.

Структура выпускной квалификационной работы определена поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, девяти параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ» СИЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ COVID-19

1.1. «Мягкая» сила: понятие и подходы

Концепция «мягкой» силы является развитым и открытым для дополнения инструментом внешней политики, способствующий последовательному осуществлению политики государства, а также является фактором формирования благоприятного и положительного имиджа государства на международной арене за счет осуществления системного влияния на конкретные целевые аудитории в зарубежных государствах²⁴. В свою очередь, высокая эффективность инструментов «мягкой» силы, способствовала обретению данной концепцией официального (политического) наполнения в отдельных государствах, что позволяет идентифицировать ее в качестве одного из ключевых компонентов осуществления политики с учетом окружающей международной обстановки и геополитических потрясений.

«Мягкая» сила выступает своеобразной альтернативой «жесткосиловым» инструментам осуществления государственной политики (санкции, политическое, экономическое и дипломатическое давление, военные интервенции, эмбарго, торгово-экономические войны). По сравнению с инструментами «жесткой» силы, она требует сравнительно меньших финансовых, людских и временных ресурсов, делая акцент на таких аспектах (естественных ресурсах), как история, культура, язык, образование, научно-технические, культурные, образовательные обмены, привлечение внимания международного сообщества, равно как и отдельных целевых аудиторий к проблемам регионального и глобального масштаба, продвижение позитивного бренда государства, продвижение и ретрансляция идей, смыслов, морально-ценностных, духовных ориентиров

²⁴ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы. // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. С. 19.

государства в направлении каждой конкретной зарубежной целевой аудитории²⁵. Это повышает совокупную эффективность «мягкой» силы того или иного государства и позволяет создать благоприятный имидж, своеобразные «точки социального соприкосновения» между представителями разных государств²⁶.

Американский исследователь Дж. Най утверждает, что «мягкая» сила государства не является тождественной прямому воздействию либо влиянию, и имеет гораздо больший, по сравнению с отдельными действиями политико-экономического характера, смысловой, концептуальный и практический масштаб²⁷. В данном случае, «мягкая» сила направлена на формирование долгосрочных условий для воздействия на целевые аудитории, и не ставит во главу угла уговоры либо призыв людей к «молниеносным» действиям²⁸.

Дж. Най пришел к выводу, что «мягкая» сила государства может быть выражена в наличии фактической способности государства достигать целей на внешнеполитической арене за счет своих естественных ресурсов (культура, язык, история, имидж, образ жизни, совокупная привлекательность государства), что создает, за счет вовлечения в данный образ целевых аудиторий (отдельные политики, правительства отдельных государств, гражданское общество, отдельные культурные, этнические, социальные группы), альтернативу таким инструментам воздействия, как принуждение, угроза силой, выплаты, подкуп, содействие развитию коррупции, экономическое давление, ультиматумы, международное давление, гибридные войны и т.п.²⁹.

²⁵ Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – № 1. С. 71-72.

²⁶ Тарабарко К.А. «Мягкая сила» культуры: общее и особенное в западной и китайской науке // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2016. – № 17. С. 81.

²⁷ Nye J. Soft Power. // Foreign Policy. – 1990. – № 80. P. 157.

²⁸ Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2005. P. 34.

²⁹ Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. – 2009. – № 8-9. P. 162.

В данном случае, акцент делается на таких инструментах «мягкой» силы, как привлечение целевой аудитории (общества, отдельные государства либо целые регионы), к совместным целям на местном, региональном либо глобальном уровне, продвижение принципов справедливости и верховенства закона, продвижение международных принципов, толерантности, уважения к культурному разнообразию, что мотивирует целевые аудитории к внесению вклада в достижение тех или иных целей для каждого конкретного сообщества.

В отличие от агрессивной государственной пропаганды «мягкосиловые» инструменты нацелены на получение т.н. «обратной связи» от каждой конкретной целевой аудитории, что позволяет рассматривать «мягкосиловую» инструментарию государства в качестве т.н. «улицы не с односторонним (слепая государственная пропаганда, регулярный повтор идентичных смысловых сообщений), а с двусторонним движением» (получение обратной связи, анализ информации, корректировка политики в отношении каждой конкретной целевой аудитории)³⁰.

В 2011 г. Дж. Най сформировал обновленную версию термина «мягкая» сила – теперь концепция является способностью государства влиять на другие государства на базе общих ценностей, идей, формируя, тем самым, выгодную для себя повестку дня, что позволяет сформировать положительный имидж, повысить уровень привлекательности государства, применяющего мягкую силу с целью достижения предпочтительных для него результатов в каждой конкретной области взаимодействия³¹. Иными словами, акцент делается на способности государства влиять на целевые аудитории (другие регионы, государства, отдельные сообщества), используя естественные ресурсы – потенциал гражданского общества, образ жизни, язык, культуру, историю, традиции, которые формируют благоприятный образ государства в умах конкретной целевой аудитории.

³⁰ Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power – 2011. – Vol. 4. – Iss. 1. P. 29.

³¹ Най Дж. Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. С. 150.

Структура «мягкой» силы базируется на трех ключевых источниках – культуре государства, политических ценностях государства и внешнеполитических приоритетах. Симбиоз (правильный баланс взаимодействия, зависящий от интересов государства) указанных ресурсов, в свою очередь, формирует поведение того или иного государства и приоритеты в системе воздействия на другие объекты, а также способствует вовлечению иных субъектов международных отношений в структуру внешнеполитического взаимодействия на официальном, формальном и индивидуальном уровне³². В указанных условиях, культура выступает одним из ключевых источников «мягкой» силы государства, в содержательной части которой отражена т.н. «система общественного поведения», в рамках каждого конкретного государства, а также налажена система передачи знаний, ценностей, традиций на уровне всего сообщества, идеи, ценности и идеалы которого в дальнейшем ретранслируются на зарубежные целевые аудитории.

В отношении культурного компонента актуальным видится упомянуть и концепцию культурной гегемонии итальянского философа и политического деятеля А. Грамши, который заявлял, что культура также может использоваться для осуществления противостояния в информационной и психологической сферах³³. В современных международных условиях культура может являть одним из элементов гибридной войны. При этом «мягкая» сила, в своей совокупности, нацелена на мирное и доброжелательное продвижение интересов, тогда как процесс навязывания тех или иных морально-духовных, ценностных и нравственных ориентиров может привести лишь к отторжению действий государства и затруднить дальнейшее использование «мягкосиловых» инструментов воздействия. Аналогично «мягкой» силе А. Грамши

³² Raimzhanova A. Power in Ir: Hard, Soft, and Smart // Institute for Cultural Diplomacy and the University of Bucharest. December 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2015-12_annual/Power-In-Ir-By-Raimzhanova,-A.pdf (дата обращения: 18.03.2023)

³³ Мушинский В.О. Антонио Грамши: учение о гегемонии. – М.: Международные отношения 1990. С. 59.

указывает на стратегическое значение гражданского общества, которое воспринимается как естественный и традиционный ресурс культурной гегемонии³⁴.

Такие теоретики «мягкой» силы, как Дж. Галларотти, А. Вавин, Дж. Маттерн, а также другие исследователи писали о том, что концепция «мягкой» силы коррелируется с третьим «лицом» силы, о котором писал британский политический и социальный теоретик С. Льюкс³⁵. Также и профессор Уэслианского университета Дж. Галларотти, который указывал на схожесть концепций С. Льюкса и Дж. Ная, отмечал, что «идея мягкой силы Дж. Ная имеет много общего с третьим «лицом» силы С. Льюкса, которое выражается в доверии других акторов, достигаемом в процессе вовлечения в принятие и реализацию различных решений»³⁶.

В основу теории С. Льюкса были положены идеи философов и политических деятелей К. Маркса и А. Грамши об идеологической легитимизации капитализма, тогда как А. Грамши являлся полноценным выразителем «радикального видения власти», воспринимая идеологическую гегемонию в качестве инструмента политической манипуляции, выгодной для правящего класса, инструмента, с помощью которого можно было заставить людей действовать вопреки их собственным интересам³⁷.

Вышеуказанный подход в целом соотносится с концепцией «мягкой» силы, учитывая, что в рамках «мягкой» силы, культурный и социальный потенциал гражданского общества также воспринимается в качестве традиционного ресурса «мягкой» силы (образ жизни, мышление,

³⁴ Шевченко М.А. Концепция культурной гегемонии А. Грамши в рамках теории массовой коммуникации. // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 5. С. 160-161.

³⁵ Михалев А.В. Концепция «Мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. С. 64.

³⁶ Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power – 2011. – Vol. 4. – Iss. 1. P. 27.

³⁷ Trunkos J. What is Soft Power capability and how does it impact foreign policy? // Institute for Cultural Diplomacy. January 6, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2013-acdusa/What-Is-Soft-Power-Capability-And-How-Does-It-Impact-Foreign-Policy--Judit-Trunkos.pdf> (дата обращения: 26.03.2023)

жизненные, моральные ориентиры и т.п.), и альтернативы традиционному «жесткосиловому» инструментарию государства.

Как результат, отдельные элементы «мягкой» силы, ее естественные ресурсы: потенциал общества, человеческий, гражданский потенциал, язык, культура, традиции, история, морально-ценностные ориентиры, религия — воспринимаются в рамках различных теорий в качестве обособленной системы, способствующей реализации государством политики на национальном и международном уровне, и формируют восприятие естественных ресурсов в рамках «мягкой» силы как важной составной части, способствующей реализации государством внешней политики.

К элементам «мягкой» силы относятся следующие:

1) образ жизни в государстве, демократия, этические нормы – равенство, открытость, защита прав и свобод³⁸;

2) культура государства – поведение людей, образ жизни, подходы к решению проблем, целевые и моральные установки, открытость государства для внешнего культурного влияния (по сути – способность найти баланс между концептом мультикультурализма и необходимостью защиты собственной культуры)³⁹;

3) внешнеполитическое направление – способность государств грамотно доносить свою позицию, аргументировать собственные внешнеполитические действия, характерные шаги во внутренней и внешней политике⁴⁰.

К последнему внешнеполитическому элементу важно отнести опцию использования т.н. «адресного подхода», под которым подразумевать стоит способность государства не только доносить информацию (что тождественно пропаганде), но и получать обратный ответ от целевых

³⁸ Русакова О.Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии. // Антиномии. – 2010. – № 10. С. 174.

³⁹ Торосян В.Г., Держирученко Р.Н. Культура как «мягкая сила»: диапазон действий и потенциальные возможности. // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 1. С. 9.

⁴⁰ Пентегова А.В. Концепция «Мягкой силы» во внешней политике стран. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 2. С. 124.

аудиторий, в отношении которых осуществляется «мягкосиловое» влияние. Этот элемент предполагает способность государства сегментировать глобальные целевые аудитории (к примеру, целый регион или народ определенного государства) на более мелкие целевые группы (молодежь, студенты, представители общественного мнения, интеллектуальные и политические элиты в определенной стране, области, и т.п.), что с дальнейшим формированием в отношении каждой целевой аудитории специализированных «меседжей» и нарративов, ориентированных на повышение привлекательности государства в умах данных целевых аудиторий, делает более притягательным как образ, так и политику государства.

В своем концептуальном виде «мягкосиловой» инструментарий, учитывая текущие процессы глобализации и развития международных отношений, находится в стадии эволюции и последовательного развития. На практике данный аспект предполагает дополнение и постоянное расширение «мягкосилового» инструментария. На текущем этапе, ключевыми векторами «мягкосилового» взаимодействия являются публичная дипломатия, общественная дипломатия, медицинская дипломатия, цифровая дипломатия, спортивная дипломатия, культурная дипломатия, общественная дипломатия, зеленая дипломатия, информационная и кибер-дипломатия, а также специфические направления – к примеру, кулинарная дипломатия и т.п. Каждый из упомянутых векторов «мягкой» силы может быть сегментирован и на отдельные, более узкие направления – к примеру, в рамках культурной дипломатии данный аспект проявляется на примере разделения на высокую (Италия, Испания, Франция, Россия), и массовую (США, Республика Корея, КНР), дипломатию, а в рамках медицинской дипломатии – на масочную дипломатию, образовательную дипломатию (подготовка медиков, программы обучения и повышения квалификации).

Также важно отметить широкий спектр проявлений «мягкой» силы – к примеру, через механизмы использования нематериальных активов (образ государства, культура), либо как стремления государства реализовать внешнеполитические задачи с помощью мирных средств, включая позиционирование «мягкой» силы как инструмента мирного продвижения интересов государства на региональном и глобальном уровне – за счет привлечения третьих стран и целевых аудиторий к разделяемым международным сообществом ценностям (стабильность, мир, безопасность, ориентированность на созерцательное развитие отношений и взаимодействие, отказ от конфронтации и т.д.).

Таким образом, на современном этапе «мягкосиловой» инструментарий выступает краеугольным камнем в структуре внешнеполитической деятельности национальных государств. Сильной стороной «мягкой» силы является ориентация на традиционные и, в определенной степени, «естественные» ресурсы государства – историю, культуру, потенциал общества, стиль жизни, демократические и иные ценности. Также «мягкосиловой» инструментарий, по сравнению с «жесткой» силой, не требует достаточно существенных экономических вливаний со стороны государства и может осуществляться как на государственном, так и на частном, индивидуальном уровне (к примеру, в контексте студенческих, академических обменов, по окончании которых студенты, возвращаясь в страну своего происхождения, будут выступать «естественными ретрансляторами» «мягкой» силы). В то же время, совокупная эффективность «мягкой» силы и ориентированность на долгосрочные модели взаимодействия способствуют росту влияния государства, позитивизации его имиджа, что делает указанный концепт одним из ключевых инструментов в современной политике государства, и в особенности – в контексте осуществления внешнеполитической деятельности.

1.2. Особенности, факторы и направления развития «мягкой» силы Республики Корея

Рассматривая характерные особенности и направления развития «мягкой» силы Республики Корея, стоит повторить тезис, изложенный в первом параграфе, в соответствии с которым «мягкосиловой» инструментарий проходит стадию своей эволюции и последовательного развития. Данный тезис актуален и для Республики Корея, политика которой на современном этапе и в условиях пандемии Covid-19 может быть изложена в виде таких векторов, как публичная дипломатия, позитивизация политического образа, глобальный маркетинг Республики Корея, популяризация корейской массовой культуры и имиджа государства на мировой арене⁴¹. Данный пласт дополняется международным контуром, к которому можно отнести развитие международных связей в образовательной, технической, технологической, медицинской, научной, спортивной, культурной сфере, информационном и медийном пространстве.

Указанный пласт направлений формирует два специфических «контура» деятельности Республики Корея в «мягкосиловой» сфере. Во-первых, это «внутренний трек», ориентированный на внутреннюю целевую аудиторию (корейское общество). Он реализуется в контексте укрепления национального самосознания, продвижения идей важности укрепления позиций Республики Корея в международных цепочках социально-культурного и политического взаимодействия, включая содействие диалогу культур и популяризацию корейской культуры внутри страны. С точки зрения внутренних ценностей, корейский пример сочетания

⁴¹ Kim M. The Growth of South Korean Soft Power and Its Geopolitical Implications. // Journal of Indo-Pacific Affairs. October 31, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/3212634/the-growth-of-south-korean-soft-power-and-its-geopolitical-implications/> (дата обращения: 28.03.2023)

экономического успеха с демократической культурой является еще одним источником «мягкой» силы для страны⁴². Во-вторых, это «внешний трек», ориентированный на продвижение корейского образа жизни на международном пространстве, с позитивизацией имиджа страны в умах зарубежных целевых аудиторий⁴³.

Действия Республики Корея в контексте реализации «мягкой» силы ориентированы на широкий спектр задач и предполагают действия государства и корейского общества (поскольку каждый житель страны также является ретранслятором корейской «мягкой» силы) в сфере общественных отношений, политического пиара (деятельность субъектов политики в распространении позитивной информации о Республике Корея). Это дополняется сотрудничеством со СМИ, управлением информацией, политическим PR, механизмами многостороннего политического консультирования, работой в информационном пространстве, продвижением массовой культуры (корейские фильмы, сериалы, поп-музыка, искусство, масс-медиа, тренды в социальных сетях, еда, спорт, образование, медицина)⁴⁴.

Краеугольным камнем корейской «мягкой» силы является культура, как современная, так и традиционная. Республика Корея – едва ли не единственная страна, которая ставит целью стать ведущим мировым экспортером популярной культуры как проявления своей «мягкой» силы (термин «халлю», буквально – «корейская волна»)⁴⁵. Этим термином большая часть исследователей определяют взрывной рост глобальной

⁴² Sue Mi Terry. Beyond Security: South Korea's Soft Power and the Future of the U.S.-ROK Alliance in a Post-Pandemic World. // Center for Strategic and International Studies. October 18, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-security-south-koreas-soft-power-and-future-us-rok-alliance-post-pandemic-world> (дата обращения: 28.03.2023)

⁴³ Lee Chung Min, Botto K. The Case for South Korean Soft Power. // Carnegie Endowment for International Peace. December 15, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegieendowment.org/2020/12/15/case-for-south-korean-soft-power-pub-83406> (дата обращения: 29.03.2023)

⁴⁴ Бураев Д.И., Гармаханов М.Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – № 8. С. 116-117.

⁴⁵ 장규수. 한류의 어원과 사용에 관한 연구. 한국콘텐츠학회논문지 '11 Vol. 11 No. 9 (Чан Гюсу. Изучение корейской волны. Происхождение и использование. Journal of Korea Contents Association. № 9). С. 166.

популярности культуры Республики Корея, которая экспортирует поп-культуру, развлечения, музыку, телевизионные драмы, фильмы, онлайн-игры, моду на одежду и еду, а заодно «подтягивает» и смежные отрасли: туризм, медицину, легкую промышленность, индустрию красоты и играет немалую роль в контролируемом формировании позитивного имиджа страны в мире⁴⁶. С начала 1999 г. «корейская волна» стала одним из величайших культурных явлений во всей Азии. Эффект от «халлю» был огромным: если в 2004 г. она приносила 0,2% ВВП Кореи (около 1,87 млрд. долл.)⁴⁷, то к 2019 г. данный культурный феномен принес экономике Республики Корея уже около 12,3 млрд. долл.⁴⁸.

Немаловажным инструментом «мягкой» силы Республики Корея является глобальный маркетинг – в контексте популяризации корейской промышленности, достижений науки и техники, продуктов питания, медицинских препаратов, с целью выхода Республики Корея на зарубежные рынки сбыта и дальнейшим закреплением на данных рынках. Данный аспект прослеживается на примере рейтинга «Fortune Global 500» за 2022 г., в соответствии с которым 15 корейских компаний вошло в рейтинг крупнейших мировых компаний (выручка, позиции на рынке)⁴⁹.

Также важным инструментом «мягкой» силы Республики Корея выступает популяризация корейского языка (продвижение языка за рубежом, создание специальных учебных программ, образовательная дипломатия, культурная дипломатия, стимулирование интереса к изучению корейского языка. По состоянию на 2020 г. обучение корейскому языку

⁴⁶ Carminati D. Is South Korea the New Quintessential Representation of Soft Power? // E-International Relations. September 18, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.e-ir.info/pdf/99169> (дата обращения: 29.03.2023)

⁴⁷ Fahriza T. Exports Driven by Hallyu Increasing South Korea's Economic Growth – Cultural Diplomacy Approach. // Jurnal Hubungan Internasional. – 2022. – Vol. 15. – № 1. P. 28.

⁴⁸ K-Pop is making billions for South Korea. // AFM Editorial Office. 28 May 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.asiafundmanagers.com/us/kpop-and-economic-impact-on-south-korea/> (дата обращения: 29.03.2023)

⁴⁹ Fortune Global 500 Rankings in 2022. // Fortune. [Электронный ресурс] URL: <https://fortune.com/ranking/global500/> (дата обращения: 29.03.2023)

осуществляется на базе двустороннего сотрудничества в 39 странах⁵⁰; в Азии функционирует около 960 школ с корейским языком (например, Корейская международная школа на Филиппинах, Сеульская академия корейского языка, Пекинская корейская школа, Тайбэйская корейская школа, Сингапурская корейская школа, в Северной Америке – 252 школы, в Центральной Америке – 183 школы, в ЕС – 125 школ, в Океании 104 школы, в Латинской Америке – 41 школа, в Африке – 4 школы; общее количество обучающихся – более 155 тыс. человек⁵¹.

Другим важным направлением выступает популяризация страны в сфере туризма, спорта, культурных обменов, дистанционного образования, высокой и массовой культуры. В данном случае актуальны такие инструменты, как показ корейских фильмов, проведение кинофестивалей, конкурсов корейской кухни, популяризация корейской кулинарной культуры, поддержка работы Международной федерации военного спорта, проведение корейско-японского фестиваля «Ханмадан» (дословно переводится, как «фестиваль»), корейско-китайского фестиваля искусств, поддержка работы Культурного центра АСЕАН, поддержка работы корейской организации кино АСЕАН и т.п.

Таким образом, стоит отметить системную работу Республики Корея в развитии и использовании инструментов «мягкой» силы, с акцентом на публичной, общественной, цифровой, медицинской, спортивной, образовательной, научной дипломатии – в контексте развития образовательного, научно-технического, общественного, культурного взаимодействия. Можно выделить практику поддержки общественных и частных инициатив в культурной, спортивной, общественной сфере. Это

⁵⁰ Корейский язык введут в школьную программу в нескольких азиатских странах. // Большая Азия. 12 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://bigasia.ru/content/news/society/koreyskiy-yazyk-vvedut-v-shkolnyuyu-programmu-v-neskolkih-aziatskikh-stranakh/> (дата обращения: 29.03.2023)

⁵¹ 2021 지구촌 인류현황 (Текущее состояние распространения Халлю в мире в 2021 г.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4099/view.do?seq=367660&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm= (дата обращения: 30.03.2023)

способствует благоприятному позиционированию образа Республики Корея, а также популяризации страны в зарубежных целевых аудиториях, развивая туризм, спортивное и культурное сотрудничество.

1.3. Публичная дипломатия Республики Корея в период пандемии Covid-19

Пандемия Covid-19 открыла новую главу в публичной и общественной дипломатии. Данная точка зрения подтверждается официальной позицией МИД Республики Корея, согласно которой публичная дипломатия осуществляется «посредством прямого общения с иностранными гражданами, дипломатической деятельности, развития дипломатических отношений, путем распространения симпатии и обеспечения доверия к истории, традициям, культуре, искусству, ценностям, политике Республики Корея, а также для повышения влияния Республики Корея в международном сообществе путем повышения нашего национального имиджа и национального бренда»⁵². Тем самым МИД Республики Корея подчеркивает ориентированность публичной дипломатии на внешний трек, хотя и не исключается возможность ориентации данного инструмента и на внутренние целевые аудитории.

В Республике Корея с 2016 г. действует Закон «О публичной дипломатии», в содержательной части которого отмечено, что план реализации публичной дипломатии разрабатывается на пятилетний период и дополняет годовой всеобъемлющий план реализации публичной дипломатии в соответствии с интересами государства⁵³. Согласно этому,

⁵² 제1 차대韓民國 공공외교기본계획[2017-2021] (Первый базовый план публичной дипломатии Кореи на период 2017-2021 гг.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=2017_2021.pdf&real=2017_2021.pdf (дата обращения: 30.03.2023)

⁵³ 공공외교법 시행 2016. 8. 4. (Закон Республики Корея "О публичной дипломатии" от 4 августа 2016 г.) // Национальный правовой информационный центр РК. [Электронный ресурс] URL: [https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EB%B2%95/\(13951,20160203\)](https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EB%B2%95/(13951,20160203)) (дата обращения: 30.03.2023)

план развития публичной дипломатии на период 2023 – 2027 г. включает реализацию мероприятий в области безопасности, политики, медицины, образования, технологий и культуры – к примеру, в рамках стратегического бизнеса «K-Health», проведения семинаров «D-Talks», «KF Korea», Всемирного фестиваля «K-Pop», а также иных проектов, направленных на обсуждение и обмен опытом на реагирование и противодействие пандемии Covid-19⁵⁴.

Развитие публичной дипломатии Республики Корея в условиях пандемии было связано и с закрытием границ, и с социальным дистанцированием во всем мире, обусловив, в свою очередь, активное развитие дистанционных форматов взаимодействия, ориентированных на минимизацию личных контактов между людьми (дистанционное образование, проведение семинаров, научных симпозиумов, спортивных и культурных мероприятий в удаленном формате). Пандемия Covid-19, обладая очевидными негативными факторами, может позиционироваться отдельными государствами в качестве явления, грамотное взаимодействие с которым может способствовать увеличению национального самосознания и будет способствовать популяризации имиджа государства на международной арене.

То, как публичная дипломатия находит свое отражение в период пандемии Covid-19, «может послужить уроком для понимания динамики и напряженности, существующей в современном мире»⁵⁵, с дальнейшим экспортом корейских методов противодействия пандемии в третьи страны.

С позиции российского политолога К.Г. Трифонова, активизация публичной дипломатии в Республике Корея в период пандемии Covid-19

⁵⁴ 제2차 공공외교 기본계획(2023-2027) (Второй базовый план публичной дипломатии Кореи на период 2023-2027 гг.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=2%EC%B0%A8%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EA%B3%84%ED%9A%8D_%EC%B5%9C%EC%A2%85.pdf&real=2%EC%B0%A8%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EA%B3%84%ED%9A%8D_%EC%B5%9C%EC%A2%85.pdf (дата обращения: 30.03.2023)

⁵⁵ Attias S. Asian soft power grows in the coronavirus era // BESA. April 6, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/coronavirus-asia-soft-power/> (дата обращения: 01.04.2023)

была обусловлена стремлением страны укрепить свой международный потенциал и положительный имидж⁵⁶. Данный подход считается обоснованным. Стоит отметить, что, согласно рейтингу «Глобальный индекс «мягкой» силы» (Global Soft Power Index) от 2023 г., Республика Корея входит в первые пятнадцать государств, наиболее влиятельных в применении «мягкой» силы (в 2023 г. – 15 место⁵⁷, в 2022 г. – 12 место⁵⁸).

При формировании рейтинга принимаются такие факторы, как уровень развития и поддержки культуры, уровень образования, свобода СМИ, уровень развития науки, бизнес-климат, экономические позиции страны, привлекательность правительства, «зеленая» политика, возможность использования цифровых активов и т.п. Заинтересованность Республики Корея в укреплении своих позиций на глобальном уровне, в контексте пандемии Covid-19, также связана со стремлением страны закрепиться в статусе глобального инновационного центра, что будет способствовать притоку зарубежных инвестиций в инновационную, технологическую сферу, сферу здравоохранения, инноваций, высоких технологий и т.п. Достижение указанных целей, в свою очередь, связано с развитием подходов к формированию позитивного национального брендинга, включая публичную и общественную дипломатию, поскольку предполагает отражение в политической, медийной сфере опыта борьбы Республики Корея с пандемией Covid-19, с учетом уже накопленного опыта борьбы государства со вспышками инфекционных заболеваний в прошлом – к примеру, атипичной пневмонией (2003 г), Ближневосточным респираторным синдромом (2015 г.) и др.

На практике данный подход прослеживается в общественном обсуждении мер сдерживания пандемии Covid-19, вовлеченности

⁵⁶ Трифонов К.Г. Публичная дипломатия Южной Кореи во время пандемии // Корееведение в России: направление и развитие. – 2021. – № 3. С. 162.

⁵⁷ Global Soft Power Index 2022. // Brandirectory: Brand Values, Profiles & Global Rankings. 15 March 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://brandirectory.com/softpower/report> (дата обращения: 01.04.2023)

⁵⁸ Global Soft Power Index 2023. // Brandirectory: Brand Values, Profiles & Global Rankings. 2 March 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://softpower.brandfinance.com/2023/globalsoftpowerindex> (дата обращения: 01.04.2023)

политиков и представителей системы здравоохранения в информирование населения о шагах правительства в данной сфере, включая модернизацию законодательства (к примеру, внесения поправок в Закон «О контроле и профилактике инфекционных заболеваний» с целью ускорения процесса диагностического тестирования при чрезвычайных ситуациях, или изменений в Законе «О медицинских устройствах» с целью поощрения государственно-частного медицинского партнерства, развития процедур выдачи разрешений на лицензирование, экстренное использование тестов, что особо важно в период пандемии Covid-19)⁵⁹.

Данный подход также прослеживается и на примере оперативной работы правительства Республики Корея в контексте производства, распространения тестовых наборов, популяризации масочного режима, системной работе через СМИ представителей СМИ, культуры, включая цифровую дипломатию – в контексте системного продвижения идей о важности регулярного тестирования, соблюдения социальной дистанции, вакцинации. Также данная стратегия проявляется в поддержке правительством Республики Корея масштабной кампании по тестированию (продвижение данных нарративов через СМИ и социальные сети, включая работу над распространением бесплатных тестов, а также сотрудничества с частными поставщиками медицинских услуг – с целью открытия в Республике Корея более 600 центров тестирования, а также создания т.н. «проездных станций тестирования», способных предоставить результаты в течение 10 минут)⁶⁰. В дальнейшем корейская практика была принята и в других странах Азии и ЕС.

Таким образом, первым краеугольным камнем публичной дипломатии Республики Корея в контексте пандемии является грамотная

⁵⁹ Oh S.Y. South Korea's success against COVID-19 // The Regulatory Review. May 14, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theregreview.org/2020/05/14/oh-south-korea-success-against-covid-19/> (дата обращения: 01.04.2023)

⁶⁰ Bouey J., Hu L., Dossani R. Public Health and Soft Power. The Republic of Korea's Initial COVID-19 Response and Its Implications for Health Diplomacy. // RAND Corporation, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1415-1.html (дата обращения: 03.04.2023)

работа с собственным населением и нацеленность на «экспорт» успешного опыта противодействия пандемии в третьи страны (поскольку способность Кореи успешно противостоять пандемии на внутреннем уровне позволяет снижать уровень карантинных и иных ограничений, что важно для бизнеса и деловой активности; успешное продвижение корейского опыта на внешнем уровне способствует снижению заболеваемости в зарубежных странах, открывая возможность для межгосударственной деловой и бизнес-коммуникации, создавая позитивный импульс для развития корейской экономики, стимулирования деловой активности, работы бизнеса, развития туризма и т.п.).

Вторым важным направлением публичной дипломатии Республики Корея выступает, по оценкам основателя и издателя журнала «Файнанс Коламбия» Л. Мосса, учет страной традиционных аспектов публичной дипломатии, под которым подразумевается односторонняя передача материальных благ третьим странам в условиях кризисных явлений⁶¹. Пандемия способствовала развитию данного вектора, главным образом – в контексте осуществления поставок вакцин, медицинских материалов, препаратов для тестирования из Республики Корея в третьи страны (СНГ, Азия, США). Указанный аспект, к слову, формирует т.н. концепцию «масочной дипломатии» Республики Корея, под которой подразумевается передача государством расходных медицинских материалов нуждающимся странам⁶².

В данном случае также подразумевается упомянутая в первом параграфе сегментация целевых аудиторий со стороны Республики Корея – так, в период активного распространения пандемии, Корея использовала т.н. «многосторонний подход». В частности, в мае 2020 г. в честь преддверия 70-й годовщины Корейской войны, Республика Корея передавала маски и

⁶¹ Moss L. South Korea to donate respirators, medical equipment, expertise to Colombia // Finance Colombia. April, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.financecolombia.com/south-korea-to-donate-respirators-medical-equipmentexpertise-to-colombia/> (дата обращения: 03.04.2023)

⁶² Lee S.T. Nation branding in the COVID-19 era: South Korea's pandemic public diplomacy. // Place Branding and Public Diplomacy. – 2021. – № 17. P. 387.

расходные материалы ветеранам корейской войны (поставки осуществлялись более чем в 20 стран). В дальнейшем эта практика была расширена и на США – в контексте осуществления поставок масок Департаменту по делам ветеранов США (2 млн. масок). Корея аргументировала свои действия как «пожертвование в память о благородной жертве американских ветеранов корейской войны»⁶³.

Республика Корея получила множество запросов от других стран на покупку или пожертвование наборов для тестирования, произведенных в стране⁶⁴. Помимо коммерческих продаж, южнокорейские компании также передавали наборы для тестирования на бесплатной основе другим странам, что еще больше способствовало созданию положительного имиджа страны.

Таким образом, публичная дипломатия Республики Корея в контексте пандемии Covid-19 направлена на объединение государств и зарубежных обществ вокруг общей для человечества проблемы – пандемии Covid-19. В данном случае прослеживается два вектора деятельности Республики Корея. Внешний вектор предполагает развитие коммуникации с местным населением и донесение информации о важности соблюдения предписаний, карантинных ограничений. Также это проявляется в использовании накопленного страной опыта – в контексте оперативного тестирования, проведения массовых бесплатных тестирований, отслеживания контактов. Внутренний вектор – ориентирован на развитие сотрудничества с третьими странами и предполагает поставку расходных материалов, оборудования, интеграцию новых технологий в области здравоохранения, а также развитие комплексного взаимодействия с целью укрепления национальной репутации Республики Корея в умах зарубежных целевых аудиторий.

⁶³ Bowden J. South Korea sends 2m masks to US to fight coronavirus // The Hill. May 10, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://thehill.com/policy/international/497055-south-korea-sends-2m-masks-to-us-to-fght-coronavirus-seoul> (дата обращения: 03.04.2023)

⁶⁴ Ferrier K., Hwang S. How South Korea is building influence through COVID-19 testing kits. // The Diplomat, April 30, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2020/04/how-south-korea-is-building-influence-through-covid-19-testing-kits/> (дата обращения: 03.04.2023)

1.4. Эффективность «мягкой» силы Республики Корея в реагировании на пандемию Covid-19

Деятельность государства отличалась последовательностью и системностью и предполагала поддержку, развитие культурных связей (поскольку пандемия Covid-19 угрожает всем культурным, религиозным сообществам и обладает транснациональным характером), включая сохранение программ продвижения языка (в дистанционном формате), активизацию сотрудничества в области образования, науки и техники, сохранение деловых связей (с адаптацией под карантинные ограничения и локдауны), включая развитие общественной дипломатии, что дополнялось активной работой в сфере содействия международной кооперации с целью поиска общих для человечества механизмов противодействия пандемии коронавируса и потенциальным вызовам и угрозам современности.

С концептуальной точки зрения, «мягкая» сила Республики Корея в контексте пандемии Covid-19 также была ориентирована на решение вспомогательных для государства задач – обеспечение финансовой устойчивости, юридическое обеспечение действий правительства (с точки зрения пояснения гражданам Республики Корея специфики новых законов и возможных ограничений) и т.н. «организованной согласованности» действий правительства и общества⁶⁵.

На практике данные шаги выражались в оказании секторальной бюджетной поддержки в сфере здравоохранения, займам и льготному кредитованию для бизнеса, финансировании программ ВОЗ (поставки медикаментов, вакцин, расходных материалов)⁶⁶.

⁶⁵ Сенякина Н.В. Публичная дипломатия РК и РФ в постковидный период. // Корееведение в России: направление и развитие. – 2022. – № 2. С. 89.

⁶⁶ 조셉 나이, 한준 데믹 시대의 소프트파워와 공공외교(Най Дж., Ханчжун. Мягкая сила и публичная дипломатия в эпоху пандемии) // K-Wave in Central Asia and Public Diplomacy, 2020. [Электронный ресурс] URL: http://pdweek.or.kr/2020/bbs/board.php?bo_table=programs_ko&wr_id=1 (дата обращения: 05.04.2023)

Вторым направлением выступало развитие международной кооперации и сотрудничества (подготовка специалистов в сфере медицины и оказания медицинских услуг, организация в Республике Корея и третьих странах курсов подготовки младшего медицинского персонала, грантовая работа и сотрудничество с медицинскими организациями). На многостороннем уровне Республика Корея разрабатывала одну из девяти вакцин для инициативы COVAX от Всемирной организации здравоохранения и активно добивалась справедливого распределения вакцин от Covid-19 по развивающимся странам⁶⁷.

Третьим направлением стало использование «мягкой» силы для развития деловых связей – как в контексте стимулирования притока инвестиций в Республику Корея, так и в контексте расширения гибридных моделей взаимодействия в условиях пандемии Covid-19 – информирования бизнеса о локдаунах и связанных с ними ограничениями и карантинными мерами, что дополняется разработкой проектов перевода бизнеса в удаленный формат, льготным кредитованием, а также программами оказания поддержки бизнесу (программы развития частного сектора, страхование инвестиций, реализация программ по привлечению в Республику Корея квалифицированной рабочей силы, содействие доступу компаний стран-партнеров Республики Корея на национальные рынки в условиях пандемии, поддержка совместных исследований, НИОКР в сфере медицины, поддержка работы бизнес-ассоциаций), а также двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества (ВРЭП, АСЕАН, ООН, ОБСЕ, Группа двадцати), с продвижением «пандемийной константы» в данных форматах.

Следующим важным направлением является сохранение финансирования образовательных программ (как в Республике Корея, так и

⁶⁷ Botto K. The Coronavirus Pandemic and South Korea's Global Leadership Potential. // Carnegie Endowment for International Peace. December 15, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegieendowment.org/2020/12/15/coronavirus-pandemic-and-south-korea-s-global-leadership-potential-pub-83408> (дата обращения: 03.04.2023)

в ее странах присутствия), а также реализация программ подготовки сотрудников университетов, главным образом в контексте продвижения корейского образования, а также содействия научно-техническому сотрудничеству (совместные научные исследования, академические и профессиональные обмены, совместные инвестиции и коммерциализация разработок, связанных с техническими решениями для противодействия пандемии Covid-19, развитие исследовательской кооперации). В итоге важным направлением стала и культурная сфера – в контексте предоставления грантов для НКО, проведения семинаров, организации дистанционных выставок, круглых столов, механизмов дистанционного обучения, повышения квалификации и т.п.

1.5. Реакция международного сообщества на деятельность Республики Корея в эпоху пандемии Covid-19

Действия Республики Корея не вызывали критики со стороны международного сообщества, что свидетельствует в пользу двух тенденций:

- малой вовлеченности страны в геополитическое противостояние, что сделало невозможной конкуренцию третьих стран с Республикой Корея в контексте политизации и сознательной дискредитации ее действий в сфере здравоохранения;

- успешной реализации Республикой Корея своей «мягкосиловой» составляющей, способствующей позиционированию опыта страны в противодействии пандемии Covid-19 в качестве успешного и перспективного направления деятельности, с возможностью экстраполяции данного опыта на другие страны, регионы, что делает возможным сопряжение и перенятие опыта Республики Корея и третьих стран в контексте противодействия пандемии Covid-19.

В данном случае важно упомянуть, что «мягкосиловой» фактор также прослеживается и в концептуальной части. Как было отмечено ранее, одна

из задач «мягкой» силы заключается в способности объединения государств в контексте совместного разрешения общего для стран, регионов либо человечества в целом вопросов. Таким образом, скоординированное противодействие глобальным вызовам и угрозам позиционируется в качестве важной составной части «мягкой» силы любого государства и способность грамотной координации усилий с целью противодействия общим вызовам и угрозам является важным направлением «мягкой» силы (в целом) и «мягкосиловой» политики отдельных государств (в частности).

Таким образом, возможность Республики Корея мотивировать государства к отказу от политизации вопроса сотрудничества с целью противодействия пандемии Covid-19 указывает на способность Республики Корея аккумулировать ресурсы для разрешения общей для человечества проблемы, существующей на современном этапе. Указанный аспект, в свою очередь, обуславливает отсутствие критики действий Республики Корея на «пандемийном треке» и подчеркивает фактическую состоятельность ее «мягкосилового» инструментария на современном этапе.

Введение передовых инструментов, механизмов и технологий, направленных на противодействие пандемии Covid-19 и нацеленных на сопряжение передовых инновационных, технических, технологических, цифровых средств, способствовало успехам государства в борьбе с пандемией.

Опыт противодействия пандемии Республики Корея получил широкую международную огласку в зарубежных СМИ. Например, в статье издания «Нью-Йорк таймс» в 2020 г. было отмечено, что «Республика Корея опережает мир в своих ответных мерах на пандемию Covid-19»⁶⁸. Можно констатировать позитивные оценки корейского опыта масс-медиа США, что формировало предпосылки для возможного перенятия данного опыта со стороны США (реализация механизмов массового и бесплатного

⁶⁸ Fisher M., Choe S. How South Korea flattened the curve. // The New York Times. April 10, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/23/world/asia/coronavirus-south-korea-flatten-curve.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 06.04.2023)

тестирования, оптимизация карантинных ограничений, введение масочного режима, использование искусственного интеллекта для диагностики заболеваний, включая развитие дистанционного образования, телемедицины, удаленной диагностики, систем обработки результатов тестирования, систем мониторинга состояний пациентов и т.п.).

Был не только констатирован сам результат деятельности Республики Корея, выражаемый в виде эффективного противодействия пандемии, но и выявлены важные условия, сделавшие возможным реализацию данной стратегии. Они заключаются в сопряжении практического опыта Кореи в противодействии пандемиям с передовыми системами цифрового, инновационного, технического и технологического плана (включая ИИ), представляющими интерес для зарубежных стран.

Организация экономического сотрудничества и развития отметила как концептуальные, так и практические шаги, способствующие успешной реализации страной стратегии противодействия пандемии. К данным инструментам относилось целевое тестирование и отслеживание контактов, которые были признаны «успешным инструментом по сдерживанию пандемии Covid-19»⁶⁹.

В дальнейшем схожий подход был применен в США, в КНР и странах АСЕАН, с учетом местной специфики (к примеру, в КНР данный подход предполагал введение жесткого карантина на уровне городов в случае обнаружения даже минимального количества заболевших, хотя к 2023 г. КНР, исходя из экономических соображений, отказался от данной практики; а в Республике Корея не предполагалось длительного карантина городов, хотя и не исключалась возможность помещения на карантин отдельных домов либо микро-районов, с сохранением необходимости постоянного мониторинга заболевших.

⁶⁹ The territorial impact of COVID-19: Managing the crisis and recovery across levels of government. // OECD. 10 May 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/the-territorial-impact-of-covid-19-managing-the-crisis-and-recovery-across-levels-of-government-a2c6babaf/> (дата обращения: 07.04.2023)

Аналогичные оценки были озвучены изданием «Атлантик». Так, в своих аналитических материалах издание отметило успехи Республики Корея в борьбе с пандемией и выделило три пункта корейской концепции противодействия, которые могут быть приняты «на вооружение» международным сообществом, заинтересованным в успешном противодействии пандемии в среднесрочной и долгосрочной перспективе⁷⁰:

1. Реализация концепции быстрого и бесплатного тестирования – в данном случае соблюдается ряд условий – доступность (тестирование доступно для всех желающих, а не только для граждан РК), оперативность (получение результата в срок до 15 минут), широкая география (создание как стационарных пунктов тестирования в местах скопления людей — на станциях метро, в торговых центрах, магазинах, на рынках и базарах, на вокзалах, в аэропортах, школах, детских садах — так и передвижных пунктов на автострадах, автотрассах, что максимально удобно для путешествующих – к примеру, тестирование на автострадах было возможно без выхода водителя или пассажиров из автомобиля или иного транспортного средства). Таким образом, в медийном и информационном пространстве действия властей позиционировались не как ограничение или ущемление прав и свобод жителей РК, а как создание «сервиса», который был ориентирован на создание максимального удобства (или наоборот – на минимизацию нагрузки или вмешательство в личное пространство – оба тезиса будут верными), без оказания дополнительного давления на человека (посещение специфических медицинских учреждений, стояние в очередях, длительный карантин даже в случае наличия лишь подозрения на болезнь, государственная рассогласованность действий, и т.п.). Указанный подход способствовал, по оценкам издания, более лояльному отношению общества к действиям правительства и позволял более эффективно осуществлять взаимодействие с обществом, избегая серьезных общественных

⁷⁰ What's behind South Korea's COVID-19 exceptionalism? // The Atlantic. May 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/05/whats-south-koreas-secret/611215/> (дата обращения: 07.04.2023)

разногласий относительно важности и необходимости осуществления тестирования.

2. Технология отслеживания контактов – в данном случае наблюдается упомянутое ранее сопряжение высоких технологий (ИИ) и системы безопасности в Республике Корея (камеры слежения). Симбиоз технологий, в свою очередь, делал возможным эффективное (и, что важно, оперативное) отслеживание контактов, позволяя проследить путь условного заболевшего за 72-96 часов (жилье, общественный транспорт, метро, посещение магазинов, государственных и учебных заведений, торговых центров), с выявлением всех лиц, которые могли контактировать с заболевшим и иметь риск заболеть коронавирусом (с их дальнейшей идентификацией и тестированием, а в случае подтвержденного положительного теста – с отслеживанием уже их контактов). Указанный аспект видится сравнительно более эффективным по сравнению с китайским подходом, в соответствии с которым наличие как минимум одного заболевшего могло привести к помещению на карантин городов с населением в 5-15 миллионов человек на срок до двух месяцев (включая запрет на выход из дома, посещение магазинов и т.п.), что блокировало экономику, создавало социальное напряжение и приводило к митингам, протестам, столкновениям с властью, культурной напряженностью и т.п. Данный аспект видится особо важным для западных демократий, ставящих во главу угла отказ от ущемления прав личности.

3. Грамотное обеспечение карантинных мер – в данном случае важно учитывать, что помещения человека на карантин являлось крайней и не обязательной мерой – в случае подтверждения заболевания (три теста), и наличия риска заражения третьих лиц, человек помещался на карантин (закрытую зону или по месту проживания), но не только с целью изоляции, но и с целью мониторинга состояния заболевшего и возможности оказания оперативной помощи (учитывая, что на первоначальном этапе распространения пандемии Covid-19 и отсутствия проверенных на практике

алгоритмов лечения, вероятным являлось стремительное ухудшение состояния заболевшего, что также обуславливало необходимость перманентного контроля заболевшего специалистами).

Действия Республики Корея, связанные с национальным брендингом, выходят за рамки масочной дипломатии и предполагают реализацию концепции взаимной выгоды – примером данной ситуации является позитивная оценка опыта Республики Корея со стороны американского предпринимателя и общественного деятеля Б. Гейтса, по оценкам которого «политика страны в борьбе с пандемией может являться глобальной моделью взаимодействия»⁷¹.

Таким образом, подводя промежуточные итоги данной главы и данного параграфа работы, можно отметить позитивные оценки международным сообществом действий Республики Корея в контексте пандемии Covid-19. В данном случае, опыт страны исследовался с точки зрения возможного заимствования отдельных элементов концепции противодействия либо стратегии Республики Корея в целом, хоть и с оговоркой в виде учета специфики каждого конкретного государства. В свою очередь, сопряжение инновационных моделей и накопленного опыта страны в противодействии предшествующим пандемиям, а также возможность объединения высоких технологий и передовых технических решений способствовали росту интереса к опыту Республики Корея, что обуславливало рост популярности как страны в целом, так и ее методов противодействия пандемии Covid-19, создавая качественные предпосылки для экспорта данного опыта в третьи страны.

⁷¹ Shim E. Bill Gates agrees to cooperate with South Korea on COVID-19 vaccine. // UPI. April 10, 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2020/04/10/Bill-Gates-agrees-to-cooperate-with-South-Korea-on-COVID-19-vaccine/1211586531660/ (дата обращения: 08.04.2023)

ГЛАВА 2. ЗНАЧЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ» СИЛЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

2.1. Влияние пандемии Covid-19 на общество и «мягкую» силу Республики Корея

Пандемия Covid-19 оказала системное и деструктивное влияние на цепочки политического, социально-культурного и «мягкосилового» взаимодействия в азиатском мире. Ухудшение всех связей было обусловлено высоким удельным весом Республики Корея как одного из важнейших игроков в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁷².

Несмотря на экономические потери, Республика Корея продемонстрировала способность страны эффективно противостоять пандемии главным образом за счет упомянутого фактора активной коммуникации государства и гражданского общества, понимания и поддержки корейским обществом вводимых государством превентивных мер (самоизоляция, социальное дистанцирование, оперативное развитие дистанционных форматов осуществления трудовой деятельности). Немаловажный фактор отводится и тому обстоятельству, что так называемая «масочная культура» развивалась в Республике Корея еще до пандемии Covid-19, что обуславливало ответственное отношение к выполнению превентивных и защитных мер⁷³.

Отмеченные аспекты, в свою очередь, находили отражение в «мягкой» силе Республики Корея в сфере массовой культуры (отражение проблем социального дистанцирования и самоизоляции в фильмах, музыке, социальных сетях о том, как правильно мыть руки и дезинфицировать поверхности, как вести себя в общественных местах и общественном

⁷² Суханов И.А. Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея. // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 4. С. 175.

⁷³ Chung J.-B., Kim B. Mask-wearing behavior during the COVID-19 pandemic in Korea: The role of individualism in a collectivistic country. // International Journal of Disaster Risk Reduction. – 2022. № 82. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9551116/> (дата обращения: 21.03.2023)

транспорте, как адаптировать рабочее место под удаленную работу и т.п.) и в иных сегментах «мягкой» силы – к примеру, в контексте трансформации образовательной, научной дипломатии, при повышении акцента на развитии инструментария дистанционного взаимодействия, онлайн-семинаров, дистанционного обучения, адаптации отдельных профессий к дистанционному формату с целью формирования грамотного ответа на существующие эпидемиологические угрозы.

Отмеченные тенденции привели к трансформации корейского общества, продемонстрировавшего понимание важности оперативной адаптации к пандемии и выполнения каждым членом общества функции по обеспечению собственной безопасности. В данных условиях «мягкосиловой» компонент прослеживался на примере продвижения государством (с помощью СМИ, масс-медиа, социальных сетей, блогов лидеров общественного мнения, политиков и экспертов в сфере здравоохранения), тезиса о том, что безопасность всей страны и корейского общества начинается с соблюдения мер предосторожности каждым гражданином (нарратив «начни с себя», «безопасность начинается с тебя»)⁷⁴.

Адаптация Республики Корея к пандемии прослеживается и на примере реализации государством отдельных инструментов, направленных на поддержание социальной и экономической активности. Например, важное место в экономической дипломатии Республики Корея в условиях пандемии отводится поддержанию стабильных темпов внешнеэкономической деятельности – как в контексте сотрудничества с КНР и Японией в промышленной сфере, так и в контексте обеспечения безопасности производственных цепочек и адаптации системы управления процессами для минимизации рисков негативного влияния пандемии Covid-19.

⁷⁴ Im T., Campbell J. Coordination, Incentives, and Persuasion: South Korea's Comprehensive Approach to COVID-19 Containment. // Korean Journal of Policy Studies. – 2020. – Vol. 35. – № 2. P. 126-127.

По оценкам некоторых исследователей, пандемия Covid-19 «обострила существующую уязвимость корейского внешнеэкономического каркаса»⁷⁵. Высокая зависимость Республики Корея от КНР (около 40% экспорта страны приходится на КНР), оказала негативное влияние, по мере закрытия КНР для внешнего мира, на позиции Республики Корея на китайских рынках сбыта. В свою очередь, с целью адаптации Республики Корея к коронавирусным условиям, были пересмотрены векторы внешнеэкономической политики страны с целью снижения зависимости от КНР и развития новых цепочек взаимодействия.

Примером является продвижение «Новой южной политики» и «Новой северной политики» Республики Корея (расширение и углубление экономических связей с АСЕАН и Индией в рамках НЮП, а также реализации «Стратегии 9 мостов» на территории Украины, Республики Беларусь, Монголии, Средней Азии и России в таких сферах, как культура, туризм и здравоохранение)⁷⁶. Например, в начале 2022 г. правительство Республики Корея направило в Украину около 20 тонн дополнительных предметов гуманитарной помощи (дефибрилляторы, аппараты искусственной вентиляции легких общего назначения и аптечки первой помощи) на сумму \$40 млн⁷⁷. Что касается дипломатической диверсификации в условиях данных политик, то двусторонние отношения со странами так называемого «Нового Юга» и расширение базы для всестороннего сотрудничества были достигнуты за счет активной дипломатии на высшем уровне. «Новая южная политика» Республики Корея способствовала диверсификации дипломатии, чтобы обеспечить

⁷⁵ Суханов И.А. Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея. // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 4. С. 177.

⁷⁶ 서중원 신북방정책 성과와 과제 (Со Чжонвон. Достижения и задачи новой северной политики). // Национальный исследовательский совет Республики Корея по экономике, гуманитарным и социальным наукам. Доклад 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.nrc.re.kr/board.es?mid=a10301000000&bid=0008&act=view&list_no=0&otp_id=OTP_000000000010101 (дата обращения: 18.03.2023)

⁷⁷ Korea Sends Additional Medical Supplies to Ukraine. // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. April 20, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322033&page=1 (дата обращения: 19.04.2023)

возможности для дипломатии страны за счет расширения сетей сотрудничества со странами региона и расширения дипломатической автономии⁷⁸.

Таким образом, пандемия Covid-19 оказала системное влияние на позиции Республики Корея в экономической, социально-культурной, политической и «мягкосиловой» сфере, причем как на внутреннем, так и на внешнем «треке». То есть стремление Республики Корея адаптироваться к новым условиям имеет два измерения. На условном внутреннем контуре продвигался тезис о важности выполнения всеми гражданами карантинных ограничений, самоизоляции, принципов поддержания социальной дистанции, включая интеграцию в общественное сознание важности вдумчивого и сознательного поведения (благо, данные основы уже присутствовали в корейском обществе на примере масочной культуры), поскольку игнорирование как минимум одним гражданином указанных принципов может поставить под вопрос экономическую и социальную стабильность всего государства. На «внешнем контуре» наблюдалась диверсификация торгово-экономического взаимодействия Республики Корея с внешними рынками – в контексте дополнения отношений с КНР отношениями с другими центрами силы (РФ, США, Индия), а также регионами (АТР, постсоветское пространство) с целью поиска страной новых рынков сбыта и снижения зависимости от карантинных ограничений.

2.2. Роль «Корейской волны» в стратегии «мягкой» силы Республики Корея в эпоху пандемии Covid-19

⁷⁸ 최원기 신남방정책4년 평가:외교적성과와향후과제 (Чхве Вонги. Четырехлетняя оценка новой южной политики: дипломатические достижения и будущие задачи). // Центр индийских исследований АСЕАН. 21 декабря 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ifans.go.kr/knda/ifans/kor/pblct/PblctView.do?csrfPreventionSalt=null&sn=&bbsSn=&mvpSn=&se archMvpSe=&koreanEngSe=KOR&ctgrySe=&menuCl=P01&pblctDtaSn=13887&clCode=P01&boardSe=> (дата обращения: 16.03.2023)

В научно-исследовательских кругах развитие «корейской волны» разделяется на три характерных этапа:

1) конец XX – начало XXI в., в контексте распространения «корейской волны» (также используется термин «халлю») в КНР и Тайване (фильмы, к-рор музыка), с дальнейшим экспортом в Азию, Африку и Восточную Европу⁷⁹;

2) начало XXI в. – середина первого десятилетия XXI в. – в контексте роста популярности корейских сериалов-«дорам», популяризации «корейской волны» на основе социальных сетей, интернета, популярности к-поп-музыки, с экспортом по всему миру корейских сериалов, фильмов, массовой культуры (все это стоит рассматривать как элементы культурной дипломатии, тогда как на другом «полюсе» может находиться высокая культура)⁸⁰;

3) с 2005 г. и по настоящий момент – стремительное развитие и популяризация к-поп групп и корейских *дорам*, ставших брендом культуры Республики Корея.

Пандемия оказала влияние на развитие «корейской волны» главным образом в контексте адаптации *халлю* к коронавирусным ограничениям и отражения фактора пандемии в массовой культуре Республики Корея. Это привело к смене парадигмы в массовой культуре с попутной популяризацией идеи «бесконтактного потребления», с акцентом на развлекательных программах, играх, фильмах и драмах с целью восстановления общественных контактов через корейскую поп-культуру в виртуальном пространстве⁸¹.

Результатом влияния пандемии из-за продвижения на глобальном уровне концепции социального дистанцирования стал рост популярности

⁷⁹ Kim Bok-rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave). // American International Journal of Contemporary Research. – 2015. – Vol. 5. – № 5. P. 155.

⁸⁰ Walsh J. Hallyu as a Government Construct: The Korean Wave in the Context of Economic and Social Development. // The Korean Wave. Korean Popular Culture in Global Context, Y. Kuwahara (ed.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 19.

⁸¹ Drianda R., Kesuma M., Lestari N. K-Wave Content as a Source of Comfort During Coronavirus Widespread in Indonesia. // Social Science, Education and Humanities Research. – 2021. – № 570. P. 442.

удаленной работы и онлайн обучения, что немедленно отразилось в массовой культуре Республики Корея, например, войдя в сценарии *дорам*, а также за счет популяризации приложений, обеспечивающих доступ к развлекательным программам и фильмам.

Пандемия привела к повышению потребления корейского контента – по сравнению с 2016 г., доля дорам в сфере интересов потребителей корейского видео-контента через мобильные и онлайн-платформы выросла с 27.4% (2016 г.), до 76.9% (2021 г.), с увеличением практически на 40%⁸². На сервисе «Нетфликс» в период с 2020 по 2022 гг. наблюдался ежегодный рост около 15% доли корейских сериалов и фильмов (по состоянию на конец 2021 г., доля корейских сериалов составляла 63%, развлекательных программ – около 56%, анимации – 53%)⁸³.

Все изложенное выше подчеркивает эволюцию «корейской волны» в структуре «мягкой» силы Республики Корея в период пандемии Covid-19. Главными векторами «корейской волны» стали такие процессы, как адаптация к коронавирусным ограничениям (учитывая ограничения на проведение концертов, работу кинотеатров и индустрию массовых развлечений в целом), а также отражение актуальной «коронавирусной повестки» в массовой культуре – в данном случае акцент сделан на психологическом аспекте при адаптации человека к ограничениям, изменению образа жизни, изменению мышления при отходе от идеи монополии своих собственных проблем — к пониманию того, что поддержание каждым человеком правильного образа жизни, умение адаптироваться к коронавирусным ограничениям, умение обезопасить себя от окружающих и окружающих от себя может способствовать уменьшению темпов распространения Covid-19 и создаст предпосылки для более оперативного выхода страны, а затем и всего мира из периода жестких

⁸² Littleton C. K Dramas Can't Be Denied: Global Streaming Spurs Demand for Asian Content Platforms. // Variety. August 18, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://variety.com/2022/streaming/news/korean-dramas-kocowa-viki-asiancrush-kcon-1235344275/> (дата обращения: 18.03.2023)

⁸³ Moeller F. Korean Dramas: Taking over Netflix? // Asia Society. January 16, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://asiasociety.org/korea/korean-dramas-taking-over-netflix> (дата обращения: 19.03.2023)

социально-экономических пертурбаций, обусловленных пандемией Covid-19.

Второй аспект предполагает акцент на своеобразной идее «самопожертвования», при которой человек, добровольно ограничивая себя в социальных контактах, содействует выполнению общей для мира цели – обеспечению безопасности и способствует успешному прохождению мира через испытания, связанные с пандемией Covid-19 (концепт – интересы и безопасность общества важнее интересов, желаний одного человека, без привязки к его влиянию, политическому весу, богатству и т.п., поскольку в данном случае действует идея «все граждане одинаково равны и одинаково уязвимы»)⁸⁴.

В трансформации «корейской волны» прослеживается и практический аспект, который был прямо связан с карантинными ограничениями. По мере переориентации корейского общества и всего мира в целом на дистанционный формат взаимодействия прослеживается рост популярности онлайн-сервисов, дистанционного образования, а также инструментов проведения человеком досуга дома, что приводит к росту внимания к популярным фильмам, настольным играм, видеоиграм, музыке и массовой культуре в целом, отражающей актуальные интересы, потребности и переживания всего международного сообщества. Отражение данных аспектов в рамках «корейской волны» в массовой культуре Республики Корея создает качественные предпосылки для экспорта корейской «мягкой» силы на глобальном уровне, что приводит к повышению узнаваемости страны, а также росту интереса к корейскому видению пандемии, росту популярности инструментов противодействия ей и адаптации общества к новым условиям.

Таким образом, прослеживается положительный эффект в развитии «корейской волны» на фоне пандемии. В данном случае социальное

⁸⁴ Yoon H., Song H., Kim Ch. Impact of COVID-19 Pandemic on Virtual Korean Wave Experience: Perspective on Experience Economy. // Sustainability. 10 November 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/22/14806> (дата обращения: 19.03.2023)

дистанцирование и удаленный формат работы способствует росту потребления корейского контента, продукции массовой культуры, что способствует распространению корейской культуры. Характерными направлениями в данном случае являются следующие: позиционирование Республики Корея как страны, развитой в технологическом, социальном и культурном плане, граждане которой ориентируются на использование современных технологий. Имиджевый эффект в данном случае прослеживается в массовой культуре, музыке, корейском кинематографе. Указанные аспекты являются результатом осуществления последовательной политики правительства Республики Корея, при поддержке корейского общества, что делает «корейскую волну» эффективным инструментом «мягкой» силы, основным на морально-ценностных и духовных ориентирах, а также на доступных культурных ресурсах.

2.3. Дипломатия здравоохранения Республики Корея, как инструмент «мягкой» силы в эпоху пандемии Covid-19

Глобальное здравоохранение является растущим приоритетом в программе международного сотрудничества Республики Корея. Пандемия Covid-19 выдвинула на первый план «корейскую модель» реагирования на пандемию, предоставляя возможности для усиления лидерства в глобальном здравоохранении и дипломатии в области здравоохранения. Республика Корея подчеркивает важность здоровья как права человека и как важного фактора социально-экономического развития, уделяя особое внимание равному доступу к глобальным общественным благам и коллективному участию в защите мира от угроз инфекционных заболеваний⁸⁵.

⁸⁵ The Republic of Korea and the Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis and Malaria. // The Global Fund Report. 23 March, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://reliefweb.int/report/world/republic-korea-and-global-fund-fight-aids-tuberculosis-and-malaria-enkr> (дата обращения: 25.03.2023)

Относительные результаты пандемии (с позиции весны 2023 г.), наглядно продемонстрировали важность международной кооперации в сфере противодействия глобальным вызовам и угрозам современности. Медицинский «сегмент» в «мягкой» силе Республики Корея является одним из наиболее эффективных инструментов благоприятного позиционирования страны в эпоху пандемии. Так, медицинская дипломатия (либо «дипломатия здравоохранения»), реализуемая Республикой Корея на международном уровне (включая упомянутую масочную дипломатию), продемонстрировала важность системной работы государств⁸⁶.

Этот аспект был особо важен с учетом того, что на первоначальных этапах развития пандемии государства и отдельные регионы (например, ЕС), декларировавшие на протяжении длительного периода времени концепции единства, столкнувшись с неизвестными кризисными явлениями, выбрали в качестве актуальной стратегии жесткие методы изоляции. Как показали события 2020-2021 гг., эта стратегия не дала результатов, но продемонстрировала тот факт, что перед лицом общей для всего человечества угрозы (с учетом того, что прогнозы и оценки заболеваемости Covid-19 и смертности постоянно корректировались) государства использовали свое геополитическое, экономическое положение в национальных интересах при полном игнорировании интересов своих стратегических партнеров. Результатом стало введение запрета на экспорт групп товаров первой необходимости, что в дальнейшем дополнилось ожесточенной конкуренцией за вакцины, в результате которой в развитых государствах мог быть накоплен запас медикаментов и вакцин, многократно превышающий численность населения отдельных стран, тогда как развивающиеся страны, первыми принявшие на себя удар пандемии, оказались фактически беззащитны и не имели возможности осуществить

⁸⁶ Subarkah A., Bukhari A. South Korean Health Diplomacy in Facing COVID-19. // Jurnal Inovasi Ekonomi. – 2020. – Vol. 5. – № 2. P. 78.

закупки, а тем более наладить производство необходимых групп товаров на собственной территории.

У Республики Корея был другой вектор политики при реагировании на пандемию. Она прикладывала усилия для оказания гуманитарной помощи наиболее пострадавшим от пандемии странам. Медицинская дипломатия Республики Корея была ориентирована не только на азиатское общество, но и предполагала отказ от попытки отграничиться в пределах национальных границ от общей проблемы. Это проявлялось в поставках Республикой Корея масок, медицинского оборудования, медикаментов и иных расходных материалов странам, первыми пострадавшими от пандемии⁸⁷.

Примером является оказание помощи Украине в виде 100 тыс. ПЦР-тестов от корейского исследовательского института «Солжент» в марте 2020 г. Также, ярким примером является помощь правительства Республики Корея в борьбе Украины с пандемией Covid-19 на сумму \$700 тыс. Помощь поступила по двум направлениям: были предоставлены партии корейских лабораторных тестов для выявления вируса на сумму в \$300 тыс (материалы предоставлялись не в кредит, а как безвозмездная гуманитарная помощь), и \$400 тыс. Республика Корея передала ООН в Объединенный фонд гуманитарной помощи Украине⁸⁸. По мере стабилизации ситуации в глобальном здравоохранении, международное сообщество также начало перенимать данный опыт, постепенно демонстрируя осознание того факта, что пандемия Covid-19 является общей для государств проблемой и не может быть решена самостоятельно ни одним государством.

Таким образом, во время Covid-19 Республика Корея продемонстрировала возможность продвинуть свой имидж. По данным

⁸⁷ Bouey J., Hu L., Amiri S. Public Health and Soft Power: the Republic of Korea's initial COVID-19 response and its implications for Health Diplomacy. // RAND Corporation. December 15, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1415-1.html (дата обращения: 22.03.2023)

⁸⁸ Dmytro Kuleba: Korea has disbursed a USD 700,000 assistance to Ukraine to curb coronavirus. // Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. 21 April 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kmu.gov.ua/en/news/dmitro-kuleba-koreya-vidilila-ukrayini-700-tisyach-dolariv-ssha-na-borotbu-z-koronavirusom> (дата обращения: 22.03.2023)

Министерства иностранных дел, в 2020 г. страна выделила гуманитарную помощь в связи с Covid-19 125 странам на общую сумму \$586 млн⁸⁹. Хотя эта макроэкономическая тенденция способствует заявлению Республики Корея о том, что страна заслуживает более высокого статуса в глобальном управлении здравоохранением, распределение помощи отражает более конкретный характер ее внешнеполитических целей: такая помощь предназначена исключительно для социально-экономической поддержки.

Успешный опыт реализации Республикой Корея дипломатии здравоохранения обуславливает магистральные направления возможного развития данного вектора «мягкой» силы в среднесрочной и долгосрочной перспективе, решая две задачи:

1. Благоприятный имидж Республики Корея в международном пространстве как государства, которое не занимается полемикой и не декларирует абстрактные цели, а заинтересовано в оказании реальной помощи в условиях системных кризисных явлений. Указанный аспект влияет на качественную позитивизацию образа Республики Корея в умах зарубежных целевых аудиторий, делая медицинскую дипломатию одним из ключевых векторов развития мягкой силы Республики Корея на современном этапе, сопоставимой по влиянию с массовой культурой.

2. Использование опыта Республики Корея в контексте выработки общих для международного сообщества принципов оказания помощи в период влияния пандемии коронавируса, с дальнейшим учетом и систематизацией данного опыта и созданием универсальных возможностей для международной кооперации с целью недопущения повторения кризисных явлений в дальнейшем. Этот аспект прямо ориентирован на повышение устойчивости не только отдельных стран или регионов, но и

⁸⁹ Ayhan K. South Korea's Public Diplomacy during the COVID-19 pandemic: Seeking Status as an Authority in Global Governance. // Korea Economic Institute of America. Academic Paper. January 27, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2022/01/KEI_APS_2022_Ayhan.pdf (дата обращения: 23.03.2023)

всего международного сообщества перед вызовами и угрозами, которые могут формироваться в области здравоохранения.

Декларация отказа от политической риторики в пользу конкретных действий – данный аспект предполагает отказ в стратегии государств от импульсивных решений, направленных на введение максимально жестких ограничений, при полном игнорировании эпидемиологической ситуации в развивающихся регионах Азии и соседних странах. Как показывает опыт пандемии, суть транснациональных и трансграничных угроз заключается в факте их сильной связи с процессами глобализации, что делает невозможным полное и абсолютное закрытие границ, либо введение запретов для всех граждан на выход из дома на протяжении длительного периода времени, поскольку существующая система социальных взаимосвязей, принципы осуществления трудовой деятельности, ведения бизнеса, осуществления закупок в магазинах и т.п. не позволяют в полной мере исключить личные контакты.

Во-вторых, необходимо учитывать важность развития медицинской и сопутствующей инфраструктуры. Как показал опыт Республики Корея, противодействие пандемии базируется на слаженных действиях государства и гражданского общества. Донесение информации, поддержка стабильной коммуникации и осознание целевой аудиторией важности поддержки тех или иных карантинных ограничений способствует минимизации риска неконтролируемого роста социального или этнического напряжения⁹⁰. Вместе с тем, важная роль государств заключается в поддержке здравоохранения и создании качественной инфраструктуры, позволяющей в сжатые сроки «покрывать» фактически все нужды населения.

⁹⁰ Wang H., Marquez P., Hwang I. Learning from South Korea: Building resilient health systems for pandemic preparedness. // World Bank Blogs. February 1, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://blogs.worldbank.org/health/learning-south-korea-building-resilient-health-systems-pandemic-preparedness> (дата обращения: 25.03.2023)

На практике реализация данного элемента медицинской дипломатии предполагает повышение международной кооперации в контексте точного определения нужд каждой страны в ресурсах, расходных материалах и вакцинах, что предполагает как концентрацию данных ресурсов на уровне ВОЗ, так и возможность оперативного распределения ресурсов в пользу нуждающихся стран, с целью повышения их резистентности перед пандемией Covid-19 либо иными вызовами и угрозами – как в контексте предоставления расходных материалов, так и в контексте возможности отправки медицинских работников, сотрудников сферы здравоохранения, вакцин, тестов, технических и технологических решений, способствующих снижению объемов распространения пандемии⁹¹.

Технологический аспект дипломатии здравоохранения Республики Корея также может быть достаточно важным звеном в контексте развития международного сотрудничества, главным образом за счет обеспечения поставок медицинского оборудования, реализации программ подготовки специалистов, расширения способов контроля за распространением заболевания, расширения медицинских методик и алгоритмов лечения, трансфера инновационных и высоких технологий, открытия патентов для обеспечения производства лекарств, вакцин, тест-систем и иных компонентов, способствующих качественному противодействию пандемии Covid-19. Реализация данного аспекта может предполагать использование корейского опыта, включая обеспечение экспорта корейских высоких и инновационных технологий в области здравоохранения с попутным финансированием (как за счет двустороннего, так и многостороннего сотрудничества, финансирования со стороны международных организаций и доноров), создания предприятий по производству и обслуживанию

⁹¹ Wang H., Marquez P., Hwang I. Learning from South Korea: Building resilient health systems for pandemic preparedness. // World Bank Blogs. February 1, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://blogs.worldbank.org/health/learning-south-korea-building-resilient-health-systems-pandemic-preparedness> (дата обращения: 25.03.2023)

медицинского оборудования, программ подготовки специалистов в области здравоохранения.

Таким образом, реализация дипломатии здравоохранения Республики Корея является перспективным направлением, поскольку способствует благоприятному позиционированию страны и продвижению имиджа государства, заинтересованного в оказании практической помощи пострадавшим акторам и целевым аудиториям (это не только ветераны Корейской войны, но и студенты, молодое поколение, пенсионеры, а также иные уязвимые слои населения в отдельных странах и т.п.). Прослеживается как декларируемый на международном уровне принцип равенства государств, так и принцип взаимопомощи перед общими для человечества вызовами и угрозами. Кроме того, одним из магистральных аспектов дипломатии здравоохранения Республики Корея выступает закрепление отказа государств от формальной риторики, в рамках которой государства в относительно мирные и спокойные времена декларируют принципы единства и целостности, однако по мере появления кризисных явлений на практике осуществляют противоположную политику, используя собственный экономический, технологический потенциал, а также политическое влияние для решения собственных проблем, часто при этом действуя в ущерб интересам международного сообщества и менее развитых и менее влиятельных государств.

2.4. Проблематика «мягкой» силы Республики Корея в период пандемии Covid-19

Оценка достижений политики «мягкой» силы в Азии демонстрирует неоднозначные показатели. В марте 2023 г. был опубликован новый Глобальный индекс «мягкой» силы от консалтинговой компании «Бренд Файнанс». Центральный вопрос индекса заключается в том, насколько

страны привлекательны для международной аудитории и какие азиатские державы выделяются больше всех. Весьма странно то, что Республика Корея опустилась с прошлогоднего рейтинга на три позиции и заняла 15-е место в индексе⁹², несмотря на ее высокий успех в медицинской дипломатии и экспорте «корейской волны». Целесообразно связывать такие показатели с тем, что, хотя «мягкая» сила обычно понимается как культурная сила и хотя растущее знакомство со страной повышает ее международную репутацию, влияние Республики Корея на мир все еще остается ограниченным, в сравнении с такими «мягкосиловыми гегемонами», как США и Великобритания, занимающими лидирующие позиции в рейтингах последних лет. На данный момент Республика Корея может довольствоваться сохранением своего имиджа наиболее развитого культурного экспортера в Азии⁹³.

При рассмотрении проблем и перспектив развития «мягкой» силы Республики Корея целесообразно отметить, что ключевым аспектом мягкосилового влияния может выступать учет опыта борьбы с пандемией в контексте создания механизмов по эффективному противодействию новейшим вызовам и угрозам современности.

Пример Республики Корея с относительно успешным опытом в противостоянии пандемии может быть умело «конвертирован» в новые векторы «мягкосилового» взаимодействия, к которым целесообразно относить следующие элементы.

Во-первых, это продвижение на глобальном уровне тезиса о невозможности государства в одиночку противостоять глобальным вызовам и угрозам, что отчетливо продемонстрировала пандемия Covid-19. Характерным нарративом в данном случае может стать продвижение тезиса

⁹² Global Soft Power Index 2023. // Brandirectory: Brand Values, Profiles & Global Rankings. 2 March 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://softpower.brandfinance.com/2023/globalsoftpowerindex> (дата обращения: 12.04.2023)

⁹³ Carminati D. The Post-Pandemic State of Soft Power in Asia. // The Diplomat. March 14, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2023/03/the-post-pandemic-state-of-soft-power-in-asia/> (дата обращения: 16.04.2023)

о важности укрепления роли международных организаций и универсальных институтов в контексте противодействия глобальным вызовам и угрозам с целью сопряжения подходов государств и их интересов для выработки единых, универсальных алгоритмов, способствующих противодействию как текущим, так и потенциальным вызовам и угрозам, с оговоркой в виде учета национальных особенностей каждого региона, государства, структуры общества.

Во-вторых, подразумевается не только учет непосредственного опыта противодействия Республикой Корея пандемии Covid-19, но и сравнительно более широкое сотрудничество, что предполагает укрепление акцента деятельности страны, а также традиционных (государства) и новых (международные организации, ТНК) акторов на развитии «мягкосилового» взаимодействия в таких сферах, как, например,

- дипломатия здравоохранения – в контексте обеспечения развития и устойчивости национальной и международной системы здравоохранения в сфере противодействия эпидемиям и пандемиям, разработки универсальных алгоритмов, учитывающих национальные особенности в противодействии пандемии. Дополнительный пласт связан с повышением финансирования программ исследования новых вирусов, бактерий, а также развития системы противодействия текущим пандемиям в развитых и развивающихся странах. Второй аспект в рамках данной стратегии связан с разработкой глобальной логистической системы, делающей возможной оперативную доставку произведенных вакцин, а также «разворачивание» сопутствующей инфраструктуры – в контексте разработки государствами стратегии по оперативному разворачиванию пунктов вакцинации, оперативному увеличению количества койко-мест в медицинских учреждениях, включая возможность открытия новых передвижных госпитальных пунктов.

- образовательная дипломатия – в контексте расширения структуры программ подготовки специалистов технических и медицинских

специальностей, а также программ переподготовки и повышения квалификации. Дополнительный аспект связан с информационным фактором и предполагает создание информационных систем, ориентированных на оперативный обмен опытом, статистикой на межгосударственном уровне (профильные учреждения), с использованием ИИ, нейросетей, высоких технологий, информационных систем.

- информационная дипломатия – в контексте создания глобальных систем мониторинга эпидемиологической ситуации, а также экологической, климатической, социальной ситуации на всем глобальном пространстве, включая выработку соответствующих стратегий реагирования на кризисные явления (на базе ООН и по всей вертикали международных организаций – на уровне региональных организаций, национальных правительств, отдельных муниципалитетов и городов):

- общественная дипломатия – в контексте приобщения представителей общественности, гражданского общества к обсуждению инициатив в сфере противодействия новым вызовам и угрозам, а также разработки стратегий противодействия кризисным явлениям с учетом особенностей конкретного общества, например, этнических, культурных, религиозных особенностей Азии, с ведущей ролью Республики Корея.

Каждая из упомянутых выше сфер не может существовать в отдельности от совокупного феномена «мягкой» силы. Иными словами, взаимодействие «мягкой» силы Республики Корея с миром должно носить взаимосвязанный, системный и последовательный характер, осуществляться не на уровне одного государства или региона, а на уровне всего международного сообщества в целом.

«Мягкосиловое» направление развития Республики Корея может быть связано с учетом как успешного опыта (интеграция новых технологий, дистанционных форматов взаимодействия, гибридного карантина, работы с общественностью), так и работой над ошибками (поскольку упомянутые ранее шаги не сделали страну пространством, свободным от инфекции). Как

результат, характерным направлением «мягкосилового» взаимодействия Республики Корея с международным сообществом является учет как позитивного, так и негативного опыта с целью создания универсальных, ориентированных на глобальный уровень алгоритмов противодействия вызовам и угрозам современности. В данном случае, технический и технологический потенциал Республики Корея, дополняемый достаточным финансовым ресурсом, может способствовать формированию новых многосторонних инициатив, делающих возможным минимизацию риска появления новых угроз в сфере здравоохранения, а также экологической, климатической и социально-культурной сферах.

Таким образом, магистральные направления развития «мягкой» силы Республик Корея будут связаны с учетом позитивного и негативного опыта в противодействии пандемии, при осознании, что ни одно государство мира не может полностью абстрагироваться от влияния транснациональных вызовов и угроз. Указанный аспект формирует в качестве магистрального вектора «мягкосиловой» стратегии Республик Корея фактор сопряжения отдельных инструментов «мягкой» силы (зеленая, цифровая, общественная, образовательная, техническая, народная, публичная дипломатия), с целью формирования на их базе универсальных инструментов и механизмов многостороннего взаимодействия, способствующих формированию глобальных алгоритмов противодействия новым вызовам и угрозам современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие «мягкая» сила стало активно использоваться во внешней политике стран мира во второй половине XX в. Тем не менее, и до концептуального формирования понятия, отдельные международные акторы уже использовали культуру, историю и национальные традиции в качестве ресурса для осуществления внешнеполитической деятельности, что позволяло как реализовывать внешнеполитические цели государства, так и осуществлять т.н. «культурную экспансию» в отношении других регионов.

Понятие «мягкая» сила предполагает использование мирных и, в определенной степени, традиционных для государства ресурсов – истории, культуры, традиций, языка, потенциала общества и иных элементов для формирования качественного имиджа государства в международном пространстве, вовлечения других международных акторов в орбиту взаимодействия с государством, а также с целью формирования у других участников международных отношений политики, которая выгодна государству, продвигающему «мягкую» силу на современном этапе взаимодействия, с применением доступного государствам «мягкосилового» инструментария.

В условиях пандемии Covid-19 публичная дипломатия способствует позитивизации имиджа Республики Корея. Также публичная дипломатия страны ориентирована и на взаимную выгоду – обмен идеями, информацией, передовым опытом с целью укрепления позиций Республики Корея в экономической и технологической сферах. В условиях пандемии Covid-19 способность государства оказывать положительное влияние и управлять национальным брендом предполагает популяризацию (экспорт) опыта Республики Корея в контексте противодействия пандемии с отражением важности изменения глобальных приоритетов, национальной

повестки государств, включая важность адаптации под новые условия международного взаимодействия.

Целесообразно говорить о наличии системности и последовательности в «мягкосиловом» сегменте деятельности Республики Корея в период пандемии Covid-19. Политика государства была ориентирована на поддержку бизнеса, образовательной, научно-исследовательской и научно-технической сферы и их адаптацию к условиям пандемии. В период пандемии Covid-19 Республика Корея сумела снизить уровень напряженности в обществе и сконцентрировать усилия государства на решении актуальных задач – поддержке бизнеса, развитии исследовательской кооперации, создании гибридных моделей научно-исследовательского взаимодействия, развитии многосторонних форматов сотрудничества. Это дополнялось работой и в социальной сфере, что позволило сохранить рабочие места, адаптировать работу мелкого и среднего бизнеса к запросам этого сложного периода, создав качественные предпосылки для эффективного прохождения страной наиболее острой фазы пандемии Covid-19. Эти практики были расширены до продвижения и популяризации вакцинации, массового тестирования, удаленной трудовой деятельности, внимательного отношения к здоровью и к контактам – как на уровне корейского общества (тезис: «общество следовало указаниям и сумело не допустить хаоса»), так и на внешнем треке (тезис: «успешный опыт противодействия может быть использован третьими странами»).

Переосмысление Республикой Корея своего места в мире ведет к отражению данного процесса в «мягкосиловом» инструментарии. Развитие «мягкой» силы страны сопровождается развитием медицинской, цифровой, культурной, образовательной, туристической, зеленой дипломатии и способствует экспорту корейской культуры на глобальный уровень, положительно влияя на рост узнаваемости страны и на заинтересованность внешних сил в развитии отношений с Республикой Корея. Таким образом, «мягкосиловой» фактор в данном случае ориентирован на стабилизацию

политико-экономических позиций страны в новых условиях и позволяет сформировать качественный импульс для оперативного выхода Республики Корея из кризисных явлений, связанных с пандемией Covid-19.

Дипломатия здравоохранения Республики Корея может развиваться за счет технологических аспектов (содействие трансферу технологий), укрепления медицинской и вспомогательной инфраструктуры (оперативное увеличение количества койко-мест, создание передвижных лабораторий, медицинских центров, госпиталей, оперативное обучение и подготовка специалистов, введение в средних и высших учебных заведениях коротких курсов и программ медицинской подготовки) с определением четких потребностей каждого государства и возможностью отправки дефицитного оборудования, расходных материалов, специалистов в наиболее уязвимые и пострадавшие от пандемии страны.

Можно говорить о том, что «мягкая» сила Республики Корея является ключевым продуктом цифровой эпохи. Во время пандемии, когда большинство школ и университетов перешли на дистанционное обучение, Республика Корея активно развивала и поддерживала инфраструктуру для удаленного обучения. Онлайн-платформы и цифровые инструменты использовались для продвижения корейской системы образования и языка. Активно применялась культурная дипломатия в цифровом формате. «Корейская волна» реализовывалась через такие цифровые форматы, как «Ютуб», «Нетфликс», стриминговые сервисы и социальные медиа, что способствовало распространению корейской поп-культуры по всему миру. Виртуальные концерты, онлайн-фестивали, веб-сериалы стали средством привлечения международной аудитории и укрепления образа Республики Корея как центра поп-культуры.

Таким образом, успех «мягкой» силы Республики Корея во время пандемии заключается в том, что Корея практически «перевела весь мир онлайн» для эффективности взаимодействия, удешевления и упрощения контактов между обществами. Одним из элементов, которые

способствовали успеху корейских культурных продуктов, были достижения в области информационных технологий и коммерциализация Интернета как средства распространения культурных продуктов. Это позволило культурным продуктам Республики Корея стать легкодоступными для людей во всем мире.

Одним из ключевых элементов успеха «мягкой» силы Республики Корея является культурная гибридность. Корейские культурные продукты сочетают в себе элементы традиции и современности, смешивают азиатские культурные ценности с ценностями Запада. Благодаря смешению прошлого и настоящего, а также традиций Востока и Запада, культурные продукты Республики Корея привлекают глобальную аудиторию с различным этническим и культурным происхождением. Успех «корейской волны» свидетельствует о том, что потенциально любая страна может участвовать в продвижении «мягкой» силы, производя культурные продукты, которые привлекут внимание мировой аудитории. Это способствует продвижению позитивного образа Республики Корея на глобальном уровне, а также делает возможным продвижение важности и естественности дистанционной работы, важности контроля своего здоровья, важности проявления осторожности в контактах с внешним миром, важности поддержки указаний и рекомендаций в области здравоохранения, а также иных социальных аспектов, являющихся неотъемлемой частью культуры Республики Корея.

Успех Республики Корея в политике «мягкой» силы повысил положительный национальный имидж, что привело к увеличению количества иностранных туристов, студентов-иностранцев, обучающихся в корейских университетах, а также к увеличению и расширению культурного экспорта в зарубежные страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

на русском языке

1. Корейский язык введут в школьную программу в нескольких азиатских странах. // Большая Азия. 12 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://bigasia.ru/content/news/society/koreyskiy-yazyk-vvedut-v-shkolnuyu-programmu-v-neskolnikh-aziatskikh-stranakh/> (дата обращения: 29.03.2023)

на английском языке

2. Dmytro Kuleba: Korea has disbursed a USD 700,000 assistance to Ukraine to curb coronavirus. // Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. 21 April 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kmu.gov.ua/en/news/dmitro-kuleba-koreya-vidilila-ukrayini-700-tisyach-dolariv-ssha-na-borotbu-z-koronavirusom> (дата обращения: 22.03.2023)

3. Fortune Global 500 Rankings in 2022. // Fortune. [Электронный ресурс] URL: <https://fortune.com/ranking/global500/> (дата обращения: 29.03.2023)

4. Carminati D. Is South Korea the New Quintessential Representation of Soft Power? // E-International Relations. September 18, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.e-ir.info/pdf/99169> (дата обращения: 29.03.2023)

5. Global Soft Power Index 2022. // Brandirectory: Brand Values, Profiles & Global Rankings. 15 March 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://brandirectory.com/softpower/report> (дата обращения: 01.04.2023)

6. Global Soft Power Index 2023. // Brandirectory: Brand Values, Profiles & Global Rankings. 2 March 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://softpower.brandfinance.com/2023/globalsoftpowerindex> (дата обращения: 01.04.2023)

7. GDP (current US\$) – Korea, Rep. 1960 – 2021. // World Bank Open Data. [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 17.03.2023)
8. Korea Sends Additional Medical Supplies to Ukraine. // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. April 20, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322033&page=1 (дата обращения: 19.04.2023)
9. K-Pop is making billions for South Korea. // AFM Editorial Office. 28 May 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.asiafundmanagers.com/us/kpop-and-economic-impact-on-south-korea/> (дата обращения: 29.03.2023)
10. South Korea Trade to GDP Ratio 1960-2023. // Macrotrends. [Электронный ресурс] URL: <https://www.macrotrends.net/countries/KOR/south-korea/trade-gdp-ratio> (дата обращения: 17.03.2023)
11. The Republic of Korea and the Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis and Malaria. // The Global Fund Report. 23 March, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://reliefweb.int/report/world/republic-korea-and-global-fund-fight-aids-tuberculosis-and-malaria-enkr> (дата обращения: 25.03.2023)
12. The territorial impact of COVID-19: Managing the crisis and recovery across levels of government. // OECD. 10 May 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/the-territorial-impact-of-covid-19-managing-the-crisis-and-recovery-across-levels-of-government-a2сbabaf/> (дата обращения: 07.04.2023)
13. What’s behind South Korea’s COVID-19 exceptionalism? // The Atlantic. May 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/05/whats-south-koreas-secret/611215/> (дата обращения: 07.04.2023)

на корейском языке

14. 제1차 대한민국 공공외교 기본계획[2017-2021] / Первый базовый план публичной дипломатии Кореи на период 2017-2021 гг.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=2017_2021.pdf&real=2017_2021.pdf (дата обращения: 30.03.2023)

15. 제2차 공공외교 기본계획(2023-2027) / Второй базовый план публичной дипломатии Кореи на период 2023-2027 гг.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=2%EC%B0%A8%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EA%B3%84%ED%9A%8D_%EC%B5%9C%EC%A2%85.pdf&real=2%EC%B0%A8%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EA%B3%84%ED%9A%8D_%EC%B5%9C%EC%A2%85.pdf (дата обращения: 30.03.2023)

16. 공공외교법 시행 2016. 8. 4. / Закон Республики Корея «О публичной дипломатии» от 4 августа 2016 г.) // Национальный правовой информационный центр РК. [Электронный ресурс] URL: [https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EB%B2%95/\(13951,20160203\)](https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B3%B5%EA%B3%B5%EC%99%B8%EA%B5%90%EB%B2%95/(13951,20160203)) (дата обращения: 30.03.2023)

17. 2021 지구촌 한류현황/ Текущее состояние распространения Халлю в мире в 2021 г.) // Министерство иностранных дел Республики Корея. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4099/view.do?seq=367660&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm= (дата обращения: 30.03.2023)

18. 2020 글로벌 한류 트렌드 / Глобальная тенденция Халлю 2020)
// Правительство Республики Корея. [Электронный ресурс] URL:
https://mcst.go.kr/kor/s_policy/dept/deptView.jsp?pSeq=1428&pDataCD=0417000000&pType=08 (дата обращения: 21.04.2023)

Научная литература:

на русском языке

19. Бураев Д.И., Гармаханов М.Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – № 8. – С. 115-120.

20. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – № 1. – С. 69-80.

21. Михалев А.В. Концепция «Мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. – С. 63-65.

22. Мушинский В.О. Антонио Грамши: учение о гегемонии. – М.: Международные отношения 1990. – 139 с.

23. Най Дж. Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.

24. Пентегова А.В. Концепция «Мягкой силы» во внешней политике стран. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 2. – С. 114-126.

25. Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы. // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19-26.

26. Русакова О.Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии. // Антиномии. – 2010. – № 10. – С. 173-192.

27. Сенякина Н.В. Публичная дипломатия РК и РФ в постковидный период. // Корееведение в России: направление и развитие. – 2022. – № 2. – С. 88-92.

28. Суханов И.А. Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея. // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 4. – С. 173-179.

29. Тарабарко К.А. «Мягкая сила» культуры: общее и особенное в западной и китайской науке. // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2016. – № 17. – С. 79-85.

30. Торосян В.Г., Держирученко Р.Н. Культура как «мягкая сила»: диапазон действий и потенциальные возможности. // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 1. – С. 7-13.

31. Трифонов К.Г. Публичная дипломатия Южной Кореи во время пандемии // Корееведение в России: направление и развитие. – 2021. – № 3. – С. 161-169.

32. Шевченко М.А. Концепция культурной гегемонии А. Грамши в рамках теории массовой коммуникации. // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 5. – С. 159-161.

на английском языке

33. Attias S. Asian soft power grows in the coronavirus era // BESA. April 6, 2020. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/coronavirus-asia-soft-power/> (дата обращения: 01.04.2023)

34. Ayhan K. South Korea's Public Diplomacy during the COVID-19 pandemic: Seeking Status as an Authority in Global Governance. // Korea

Economic Institute of America. Academic Paper. January 27, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2022/01/KEI_APS_2022_Ayhan.pdf (дата обращения: 23.03.2023)

35. Botto K. The Coronavirus Pandemic and South Korea's Global Leadership Potential. // Carnegie Endowment for International Peace. December 15, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegieendowment.org/2020/12/15/coronavirus-pandemic-and-south-korea-s-global-leadership-potential-pub-83408> (дата обращения: 03.04.2023)

36. Bouey J., Hu L., Amiri S. Public Health and Soft Power: the Republic of Korea's initial COVID-19 response and its implications for Health Diplomacy. // RAND Corporation. December 15, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1415-1.html (дата обращения: 22.03.2023)

37. Bowden J. South Korea sends 2m masks to US to fight coronavirus // The Hill. May 10, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://thehill.com/policy/international/497055-south-korea-sends-2m-masks-to-us-to-fight-coronavirus-seoul> (дата обращения: 03.04.2023)

38. Carminati D. The Post-Pandemic State of Soft Power in Asia. // The Diplomat. March 14, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2023/03/the-post-pandemic-state-of-soft-power-in-asia/> (дата обращения: 16.04.2023)

39. Chung J.-B., Kim B. Mask-wearing behavior during the COVID-19 pandemic in Korea: The role of individualism in a collectivistic country. // International Journal of Disaster Risk Reduction. – 2022. № 82. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9551116/> (дата обращения: 21.03.2023)

40. Drianda R., Kesuma M., Lestari N. K-Wave Content as a Source of Comfort During Coronavirus Widespread in Indonesia. // Social Science, Education and Humanities Research. – 2021. – № 570. – P. 441-447.

41. Fahrisa T. Exports Driven by Hallyu Increasing South Korea's Economic Growth – Cultural Diplomacy Approach. // *Jurnal Hubungan Internasional*. – 2022. – Vol. 15. – № 1. – P. 20-36.
42. Ferrier K., Hwang S. How South Korea is building influence through COVID-19 testing kits. // *The Diplomat*, April 30, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2020/04/how-south-korea-is-building-influence-through-covid-19-testing-kits/> (дата обращения: 03.04.2023)
43. Fisher M., Choe S. How South Korea flattened the curve. // *The New York Times*. April 10, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/23/world/asia/coronavirus-south-korea-flatten-curve.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 06.04.2023)
44. Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // *Journal of Political Power* – 2011. – Vol. 4. – № 1. – P. 25-47.
45. Kim S. South Korea Sees Biggest Job Losses Since 1999 Amid Outbreak. // *Bloomberg*. May 13, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-12/south-korea-sees-second-month-of-job-losses-amid-virus-outbreak> (дата обращения: 19.03.2023)
46. Kim T., Campbell J. Coordination, Incentives, and Persuasion: South Korea's Comprehensive Approach to COVID-19 Containment. // *Korean Journal of Policy Studies*. – 2020. – Vol. 35. – № 2. – P. 119-139.
47. Kim Bok-rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave). // *American International Journal of Contemporary Research*. – 2015. – Vol. 5. – № 5. – P. 154-160.
48. Kim M. The Growth of South Korean Soft Power and Its Geopolitical Implications. // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. October 31, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/3212634/the-growth-of-south-korean-soft-power-and-its-geopolitical-implications/> (дата обращения: 28.03.2023)

49. Lee Chung Min, Botto K. The Case for South Korean Soft Power. // Carnegie Endowment for International Peace. December 15, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegieendowment.org/2020/12/15/case-for-south-korean-soft-power-pub-83406> (дата обращения: 29.03.2023)
50. Lee S.T. Nation branding in the COVID-19 era: South Korea's pandemic public diplomacy. // Place Branding and Public Diplomacy. – 2021. – № 17. – P. 382-396.
51. Littleton C. K Dramas Can't Be Denied: Global Streaming Spurs Demand for Asian Content Platforms. // Variety. August 18, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://variety.com/2022/streaming/news/korean-dramas-kocowa-viki-asiancrush-kcon-1235344275/> (дата обращения: 18.03.2023)
52. Moeller F. Korean Dramas: Taking over Netflix? // Asia Society. January 16, 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://asiasociety.org/korea/korean-dramas-taking-over-netflix> (дата обращения: 19.03.2023)
53. Moss L. South Korea to donate respirators, medical equipment, expertise to Colombia // Finance Colombia. April, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fnancecolombia.com/south-korea-to-donate-respirators-medical-equipmentexpertise-to-colombia/> (дата обращения: 03.04.2023)
54. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2005. – 191 p.
55. Nye J. Soft Power. // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153-171.
56. Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. – 2009. – № 8-9. – P. 160-163.
57. Oh S.Y. South Korea's success against COVID-19 // The Regulatory Review. May 14, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theregreview.org/2020/05/14/oh-south-korea-success-against-covid-19/> (дата обращения: 01.04.2023)
58. Raimzhanova A. Power in Ir: Hard, Soft, and Smart // Institute for Cultural Diplomacy and the University of Bucharest. December 2015.

[Электронный ресурс] URL:
http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2015-12_annual/Power-In-Ir-By-Raimzhanova,-A.pdf (дата обращения: 18.03.2023)

59. Shim E. Bill Gates agrees to cooperate with South Korea on COVID-19 vaccine. // UPI. April 10, 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2020/04/10/Bill-Gates-agrees-to-cooperate-with-South-Korea-on-COVID-19-vaccine/1211586531660/ (дата обращения: 08.04.2023)

60. Sue Mi Terry. Beyond Security: South Korea's Soft Power and the Future of the U.S.-ROK Alliance in a Post-Pandemic World. // Center for Strategic and International Studies. October 18, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-security-south-koreas-soft-power-and-future-us-rok-alliance-post-pandemic-world> (дата обращения: 28.03.2023)

61. Subarkah A., Bukhari A. South Korean Health Diplomacy in Facing COVID-19. // Jurnal Inovasi Ekonomi. – 2020. – Vol. 5. – № 2. – P. 77-84.

62. Trunkos J. What is Soft Power capability and how does it impact foreign policy? // Institute for Cultural Diplomacy. January 6, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2013-acdusa/What-Is-Soft-Power-Capability-And-How-Does-It-Impact-Foreign-Policy--Judit-Trunkos.pdf> (дата обращения: 26.03.2023)

63. Walsh J. Hallyu as a Government Construct: The Korean Wave in the Context of Economic and Social Development. // The Korean Wave. Korean Popular Culture in Global Context, Y. Kuwahara (ed.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 13-31.

64. Wang H., Marquez P., Hwang I. Learning from South Korea: Building resilient health systems for pandemic preparedness. // World Bank Blogs. February 1, 2023. [Электронный ресурс] URL:

<https://blogs.worldbank.org/health/learning-south-korea-building-resilient-health-systems-pandemic-preparedness> (дата обращения: 25.03.2023)

65. Yoon H., Song H., Kim Ch. Impact of COVID-19 Pandemic on Virtual Korean Wave Experience: Perspective on Experience Economy. // Sustainability. 10 November 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/22/14806> (дата обращения: 19.03.2023)

на корейском языке

66. 이현자. 교육부, ‘2021년 해외 한국어교육 지원 사업 기본계획’ 발표 / Ли Хёнчжа. Министерство образования объявляет «Базовый план проекта поддержки обучения корейскому языку за границей в 2021 году»). // Зарубежная корейская газета. 16 марта 2021. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dongponews.net/news/articleView.html?idxno=43778> (дата обращения: 30.03.2023)

67. 서종원. 신북방정책 성과와 과제 / Со Чжонвон. Достижения и задачи новой северной политики). // Национальный исследовательский совет Республики Корея по экономике, гуманитарным и социальным наукам. Доклад 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.nrc.re.kr/board.es?mid=a10301000000&bid=0008&act=view&list_no=0&otp_id=OTP_0000000000010101 (дата обращения: 18.03.2023)

68. 최원기. 신남방정책 4년 평가: 외교적 성과와 향후 과제 / Чхве Вонги. Четырехлетняя оценка новой южной политики: дипломатические достижения и будущие задачи). // Центр индийских исследований АСЕАН. 21 декабря 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ifans.go.kr/knda/ifans/kor/pblct/PblctView.do?csrfPreventionSalt=null&sn=&bbsSn=&mvpSn=&searchMvpSe=&koreanEngSe=KOR&ctgrySe=&menuCl=P01&pblctDtaSn=13887&clCode=P01&boardSe=> (дата обращения: 16.03.2023)

69. 조셉 나이, 한준. 데믹 시대의 소프트파워와 공공외교 / Най Дж., Ханчжун. Мягкая сила и публичная дипломатия в эпоху пандемии) // K-Wave in Central Asia and Public Diplomacy, 2020. [Электронный ресурс] URL: http://pdweek.or.kr/2020/bbs/board.php?bo_table=programs_ko&wr_id=1 (дата обращения: 05.04.2023)
70. 장규수. 한류의 어원과 사용에 관한 연구. 한국콘텐츠학회논문지 '11 Vol. 11 No. 9 / Чан Гюсу. Изучение корейской волны. Происхождение и использование. Journal of Korea Contents Association. 2011. № 9). – С. 166-173.